

Фредерик Форсайт Кобра

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=637455

Кобра / Фредерик Форсайт ; [пер. с англ. С. Саксина]: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-47685-5

Аннотация

Президент задает вопрос: можно ли победить наркомафию? Уничтожить на корню гигантскую империю по производству смертельного зелья? Перекрыть каналы доставки кокаина из Колумбии в США и Европу? Да, отвечает Поль Деверо, бывший агент ЦРУ по прозвищу Кобра, если ему предоставят полномочия, деньги, людей и ответственность. А когда на его условия соглашаются, берется за дело. Рискованное, безумно опасное и чреватое колоссальными последствиями. Оценить масштаб которых на момент запуска проекта не взялся бы и самый искушенный политик...

Содержание

Часть 1	4
Глава 01	4
Глава 02	15
Часть 2	29
Глава 03	29
Глава 04	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Фредерик Форсайт

Кобра

Посвящается Джастину и всем молодым агентам, британским и американским, кто с огромным риском для жизни ведет тайную войну с наркотиками.

Часть 1

Кольца

Глава 01

Мальчишка умирал в полном одиночестве. И никто об этом не знал, потому что ни одному человеку на всем свете не было до парня дела. Он лежал на зловонной подстилке в углу грязной комнаты заброшенного многоквартирного дома в Анакостии, том районе Вашингтона, которым не гордятся власти и который не показывают туристам, и даже не подозревал, что его смерть развяжет войну. Но даже если бы он и услышал об этом, все равно ничего не понял бы и никак к этому не отнесся. Потому что парень был наркоманом, и наркотики сначала уничтожили его сознание, а теперь убили и его самого.

Ужин в Белом доме в конце лета по меркам президентского гостеприимства был скромным. Всего двадцать гостей – десять супружеских пар – сидели с коктейлями в гостиной, и из них восемнадцать человек были в восторге от того, что находились здесь.

Девять гостей были ответственными сотрудниками Ассоциации ветеранов ВС, общенациональной организации, которая заботилась о благополучии тех, кто в прошлом носил военную форму. За девять предшествующих 2010 году лет появилось огромное количество мужчин и некоторое число женщин, вернувшихся из Ирака, Афганистана и других стран, где принимали участие в военных действиях, ранеными, искалеченными, травмированными. И вот сейчас президент как верховный главнокомандующий выражал свою благодарность девяти гостям из АВ за то, что организация смогла сделать для этих людей. Сотрудников ассоциации вместе с супругами пригласили поужинать там, где когда-то трапезничал сам легендарный Авраам Линкольн. Предварительно первая леди лично провела их с экскурсией по Белому дому, после чего усадила за стол, и теперь они под бдительным оком мажордома ждали, когда начнут разливать суп. Поэтому, когда официантка вдруг расплакалась, произошло некоторое замешательство.

Она не издала ни звука, но супница у нее в руках задрожала. Стол был круглый, и первая леди находилась как раз напротив. Подняв взгляд от гостя, которого обслуживали, она увидела слезы, беззвучно текущие по щекам уже не очень молодой женщины.

Мажордом, от взгляда которого не укрывалось ничего такого, что могло бы побеспокоить президента, проследил за ее взглядом и бесшумно, но быстро двинулся вокруг стола. Он выразительно кивнул стоящему рядом официанту, показывая, чтобы тот забрал супницу до того, как произойдет катастрофа, а сам повел женщину через вращающиеся двери на кухню. Когда они скрылись, первая леди вытерла салфеткой губы, пробормотала извинение генералу в отставке, сидящему слева от нее, поднялась из-за стола и последовала за ними.

Официантка сидела на кухне. Плечи у нее тряслись, и она повторяла: «Извините, извините». Выражение лица мажордома говорило о том, что он не в настроении прощать такое. Подобные нервные срывы в присутствии главы законодательной власти недопустимы.

Первая леди знаком показала ему возвращаться в зал и следить за обедом. После чего склонилась к плачущей женщине, которая, не переставая извиняться, поспешно промокнула глаза краем фартука.

В ответ на пару ласковых вопросов официантка Мэйбл объяснила причину своего необычного срыва. Полиция только что обнаружила тело ее единственного внука, которого она воспитывала с тех пор, как его отец умер девять лет назад.

Убитой горем женщине назвали причину смерти, установленную при вскрытии, и сообщили, что труп внука находится в городском морге.

Так что весь обед первая леди Соединенных Штатов просидела в углу кухни, успокаивая плачущую официантку, в то время как в нескольких шагах от них ведущие деятели АВ вели высокопарные разговоры за супом с гренками.

Только когда президент два часа спустя снял в своих личных покоях смокинг, он задал очевидный вопрос.

Через пять часов после этого в темноте спальни, освещенной лишь тонкой полоской света, пробивающейся сквозь щель в шторах, которыми были завешаны пуленепробиваемые окна, первая леди заметила, что лежащий рядом с ней мужчина не спит.

В воспитании президента большое участие принимала его бабушка. Их отношения навсегда остались в памяти мальчика. Так что, несмотря на привычку вставать рано, он сейчас не мог заснуть. Лежал в темноте и размышлял.

Президент уже решил, что умерший пятнадцатилетний мальчишка, кем бы он ни был, упокоится не в безымянной могиле для нищих, а на приличном кладбище. Однако его беспокоила причина смерти полного сил подростка из бедной, но порядочной семьи.

В три часа ночи президент спустил свои длинные худые ноги с кровати и потянулся за халатом. Рядом послышалось сонное: «Ты куда?»

– Я ненадолго, – ответил президент, завязывая пояс и шлепая босиком в соседнюю комнату.

Когда он снял трубку, ответа пришлось ждать всего две секунды. Если дежурному оператору и хотелось спать в этот ночной час, она этого никак не показала. Ее ответ был бодрым и жизнерадостным.

– Да, господин президент?

Лампочка на консоли сообщила ей, кто звонит.

Даже после трех лет, проведенных в этом примечательном здании, выходцу из бедного района Чикаго приходилось напоминать себе, что он может получить все, что только ему заблагорассудится, в любое время дня и ночи.

– Вы не могли бы разыскать директора УБН, у него дома или где он сейчас? – смущенно попросил президент.

Оператор не выразила никакого удивления. Когда ты «тот самый» человек, даже если тебе захочется просто обменяться любезностями с президентом Монголии, это может быть устроено.

– Я тотчас же с ним свяжусь, – ответила девушка, сидевшая в центре связи.

Она быстро застучала по клавишам компьютера. Крохотные микросхемы сделали свое дело, и на экране высветилось имя. Запрос личного номера телефона выдал десять цифр. Этот телефон был установлен в симпатичном особняке в Джорджтауне. После десятого звонка ответил бесцветный голос.

– Сэр, соединяю вас с президентом, – сказала оператор.

Государственный чиновник средних лет тотчас же проснулся. После чего оператор переключила главу федерального ведомства, официально известного как Управление по борьбе с наркотиками, на линию в кабинет наверху. О чем говорили президент и директор

УБН, она не слушала. Загоревшаяся лампочка сообщит ей, что разговор закончился, и тогда она отключит связь.

– Прошу прощения за то, что беспокою вас в столь поздний час, – начал президент. Его тотчас же заверили в том, что все в порядке. – Мне нужна кое#какая информация, быть может, совет. Вы не могли бы встретиться со мной сегодня утром, в девять часов, в Западном крыле?

Лишь правила вежливости превратили это в вопрос. Президенты не спрашивают, они отдают распоряжения. Директор УБН заверил первое лицо государства в том, что ровно в девять утра будет в Овальном кабинете. Положив трубку, президент отправился в постель. Наконец ему удалось заснуть.

В особняке из красного кирпича в Джорджтауне в спальне продолжал гореть свет. Директор УБН спросил ничего не понимающую спросонья даму в бигуди, какого черта все это значит? Государственным служащим, которых в три часа ночи будит высшее начальство, притом лично, не остается ничего другого, кроме как гадать, где они ошиблись. Причем, скорее всего, по#крупному. Директор УБН больше не лег спать, а отправился на кухню варить кофе и ломать голову по поводу того, что же все#таки случилось.

А на противоположном берегу Атлантики уже светало. На унылых серых волнах, поливаемых дождем, к северу от немецкого порта Куксхафен качалось судно «Сан-Кристоваль». Капитан Хосе-Мария Варгас стоял у штурвала, а лоцман давал ему указания. Они говорили на английском, едином языке для воздуха и моря. Сделав поворот, «Сан-Кристоваль» вошел на внешний рейд эстуария Эльбы. Через шестьдесят миль он окажется в Гамбурге, крупнейшем речном порту Европы.

При водоизмещении тридцать тысяч тонн «Сан-Кристоваль» был торговым судном общего назначения, бороздившим моря под панамским флагом. Перед мостиком, на котором стояли капитан и лоцман, всматриваясь в туман в поисках бакенов, обозначающих фарватер, тянулись ряды стальных контейнеров.

Они стояли в восемь «этажей» в трюме и в четыре на палубе. В каждом ряду от носа до мостика помещалось по четырнадцать контейнеров, а ширина судна позволяла ставить контейнеры в восемь рядов.

Из судовых бумаг следовало, и совершенно справедливо, что «Сан-Кристоваль» начал свое плавание в венесуэльском порту Маракайбо; оттуда он продолжил путь на восток, где пополнил свой груз еще восьмьюдесятью контейнерами бананов в Парамарибо, столице и единственном порту Суринама. Но вот чего в бумагах не было, так это того, что из новых контейнеров один был особенным, поскольку помимо бананов содержал еще один товар.

Этот товар прилетел на усталом старом транспортном самолете, купленном за очень небольшие деньги, из уединенного поместья в глухом районе Колумбии, через воздушное пространство Венесуэлы и Гайаны, и приземлился на такой же уединенной банановой плантации в Суринаме.

Груз, доставленный на этом самолете, был уложен, брикет к брикету, в самом дальнем углу стального контейнера. Брикеты были плотно утрамбованы от одной боковой стенки до другой, от пола до потолка. После того как они были уложены в семь слоев в глубину, в контейнер была вварена фальшивая задняя стенка. Лишь после этого контейнер был заполнен твердыми, зелеными, незрелыми бананами, которым предстояло оставаться в холоде, но не замороженными до самой Европы.

Грузовики-контейнеровозы с ревом проехали по джунглям до побережья, доставляя экспортный товар. «Сан-Кристоваль» принял контейнеры на борт, разместил их на палубе и вышел в море, взяв курс на Европу.

Капитан Варгас, безукоризненно честный моряк, понятия не имеющий о дополнительном грузе на своем судне, уже бывал в гамбургском порту, но не переставал восторгаться

его размерами и эффективностью. Старый ганзейский порт представлял собой не один, а целых два города. В одном городе вокруг Внешнего и Внутреннего каналов Альстер, как им и положено, жили люди, но имелся еще один город, в котором находится крупнейший на континенте центр разгрузки морских контейнеров.

Ежегодно в порт Гамбурга заходит около тринадцати тысяч кораблей, которые встают у трехсот двадцати причалов и выгружают и загружают сто сорок миллионов тонн всевозможных грузов. Один только контейнерный порт имеет четыре терминала, и «Сан-Кристобаль» направили в Альтенвердер.

Пока судно на скорости пять узлов проходило мимо Гамбурга, следуя вдоль западного берега, капитану и лоцману подали на мостик крепкий колумбийский кофе. Немецкий моряк, понюхав напиток, одобрительно покачал головой. Дождь прекратился, сквозь тучи пробилось солнце, команда начала готовиться к увольнению на берег.

Было уже около полудня, когда «Сан-Кристобаль» плавно подошел к выделенному причалу, и почти сразу же один из пятнадцати портальных кранов Альтенвердера выдвинулся вперед и принялся сгружать контейнеры на пристань.

Капитан Варгас попрощался с лоцманом, и тот, поскольку у него закончилась смена, отправился к себе домой в Альтону. Судно заглушило двигатели, все системы жизнеобеспечения были подключены к резервному источнику питания, и моряки, захватив паспорта, сошли на берег и отправились в бары Репербана. На «Сан-Кристобале» воцарилась тишина. Капитан Варгас, для которого судно было и работой, и домом, любил такие минуты.

Он не мог знать, что в четвертом ряду от мостика, на втором сверху уровне, в третьем ряду считая от правого борта находился контейнер с необычной маленькой эмблемой на боку. Для того чтобы ее разглядеть, нужно было хорошенько присмотреться, поскольку контейнеры покрыты всевозможными царапинами, пятнами, идентификационными кодами и фамилиями владельцев. В данном случае эмблема имела вид двух концентрических окружностей, одна внутри другой, а в меньшую был вписан мальтийский крест. Это был тайный знак «Эрмандада», Братства, преступной организации, стоящей за девяноста процентами колумбийского кокаина. А на пристани ждала ровно одна пара глаз, готовая узнать эмблему.

Кран поднимал контейнеры с палубы и переносил их к суетящейся армии управляемых компьютером колесных погрузчиков. Эти погрузчики, подчиняясь командам из высокой башни над причалом, перевозили контейнеры от крана к складу. И тут один сотрудник порта, незаметно проходя мимо снующих погрузчиков, заметил эмблему с двумя концентрическими окружностями. Достав сотовый телефон, он сделал один звонок и поспешил обратно в свой кабинет. За много миль от порта грузовик-контейнеровоз покати́л в сторону Гамбурга.

Как раз в это время директора УБН проводили в Овальный кабинет.

Чиновник уже бывал здесь несколько раз, но массивный старинный письменный стол, флаги на стенах и государственная печать не переставали его поражать. Директор УБН восхищался властью, а это место было буквально пропитано властью.

Президент, сделав зарядку, приняв душ, позавтракав и буднично одевшись, пребывал в хорошем настроении. Пригласив гостя сесть на диван, он устроился напротив.

– Кокаин, – начал президент. – Я хочу знать все о кокаине. У вас должен быть огромный материал на эту тему.

– Целые горы материала, господин президент. Дела толщиной в несколько футов, если сложить все папки одна на другую.

– Это уже слишком, – усмехнулся президент. – Мне достаточно всего десяти тысяч слов. Не бесчисленные страницы статистик. Только факты. И общий анализ. Что это такое, откуда это берется (как будто я не знаю), кто это изготавливает, кто переправляет, кто поку-

пает, кто использует, сколько это стоит, куда идет прибыль, кому это выгодно, кто в проигрыше, что нам делать по этому поводу.

– Только кокаин, господин президент? Больше вас ничего не интересует? Героин, «ангельская пыль», фенилциклидин, метамфетамин, вездесущая марихуана?

– Только кокаин. Материал будет предназначаться лично для меня. Я хочу знать основные факты.

– Я прикажу подготовить новый доклад, сэр. Десять тысяч слов. Понятный язык. Совершенно секретно. Через шесть дней, господин президент?

Верховный главнокомандующий встал, улыбнулся, протянул руку. Встреча была окончена. Дверь уже открылась.

– Я знал, что могу на вас рассчитывать. Доклад должен быть у меня через три дня.

«Краун» директора УБН ждал на стоянке. По команде водитель подогнал машину к крыльцу Западного крыла. Через сорок минут директор УБН уже был на противоположном берегу Потомака в Арлингтоне, в своем кабинете на последнем этаже в здании по адресу дом 700, Арми-Нейви-драйв.

Он поручил задание главе оперативного отдела Бобу Берригану. Его помощник, сделавший карьеру не в кабинете, а на оперативной работе, угрюмо кивнул и пробормотал:

– Через три дня?

Директор кивнул.

– Не ешь, не спи. Живи на одном только кофе. И, Боб, не приукрашивай. Выдай все так, как есть на самом деле. Быть может, нас ждет солидная прибавка к бюджету.

Бывший оперативник прошел к себе в кабинет и попросил своего пресс-секретаря на ближайшие три дня отменить все встречи, интервью и заседания. «Вот они, канцелярские крысы, – подумал он. – Передать дело другому, попросить сделать невозможное, отправиться на ужин и ждать денег».

К заходу солнца весь груз «Сан-Кристобаля» был уже на берегу, однако оставался на территории порта. Грузовики толкались у трех мостов, по которым им проходило проезжать, чтобы забрать импортный товар. В длинной очереди, вытянувшейся вдоль канала Нидернфельде, ждал и грузовик из Дармштадта, за рулем которого сидел смуглый водитель. По документам он значился гражданином Германии турецкого происхождения, представителем крупнейшей национальной диаспоры. Но в документах не было ни слова о том, что он принадлежал к турецкой мафии.

Водитель знал, что как только его грузовик окажется на территории порта, дальше никаких заминок не будет. Растаможивание определенного контейнера из Суринама пройдет без проблем.

Такое огромное количество грузов попадает в Европу через гамбургский порт, что придирчивое изучение каждого контейнера просто физически невозможно. Германская таможенная служба ЦКА делает все, что в ее силах. Приблизительно пять процентов ввозимых грузов проходит тщательный досмотр. В некоторых случаях партия товара выбирается наугад, но в основном это делается по наводке, из-за несоответствия характера груза и порта отправки (бананы не привозят из Мавритании) или просто вследствие неправильно оформленных документов.

В ходе проверки могут быть вскрыты пломбы, которыми опечатан контейнер, могут быть измерены его размеры на предмет наличия тайников, в собственной лаборатории проводятся химические анализы, к работе привлекаются служебные собаки, контейнер просвечивается рентгеновскими лучами. За один день рентгенографии подвергается в среднем около двухсот пятидесяти контейнеров. Однако у этого контейнера с бананами таких проблем не должно было быть.

Этот контейнер не отправили в овощехранилище, поскольку по документам ему предстояло немедленно покинуть порт, так что тащить его в холодильник не имело смысла. На гамбургской таможне разрешение выдается электронной системой АТЛАС. Кто-то ввел в компьютер ЦКА двадцатидвухразрядный регистрационный номер груза, и разрешение было получено еще до того, как «Сан-Кристоваль» покинул устье Эльбы.

К тому времени как грузовик с водителем-турком наконец дополз до начала очереди у ворот порта, все необходимые документы на отгрузку контейнера уже были получены. Водитель предъявил их сотруднику ЦКА в будке у ворот, тот ввел в компьютер данные о поставке небольшой партии бананов скромной торговой компании из Дармштадта и кивком показал, что можно ехать. Через тридцать минут водитель-турок уже вернулся на разветвленную сеть немецких автобанов.

Позади него ехала целая тонна чистого колумбийского кокаина. Перед тем как попасть к конечному потребителю, кокаин будет «разбавлен» в шесть-семь раз по сравнению с первоначальным объемом такими химическими веществами, как бензокаин, креатин, эфедрин или даже кетамин, транквилизатор, применяющийся для ухода за лошадьми. Все это делается для того, чтобы убедить потребителя, что он получит большой кайф, чем если бы просто вдохнул носом аналогичную дозу чистого наркотика. Еще больше увеличить объем можно с помощью таких безобидных белых порошков, как пищевая сода и сахарная пудра.

Каждый килограмм, тысяча граммов, распухнет до семи тысяч, а поскольку «нюхачи» выкладывают до десяти американских долларов за грамм, в итоге каждый килограмм чистого кокаина принесет семьдесят тысяч долларов. За спиной у водителя таких килограммов была тысяча, и рыночная их стоимость составляла семьдесят миллионов долларов. Поскольку исходная «паста» закупалась у колумбийских крестьян по тысяче долларов за килограмм, разницы хватало на аренду транспортного самолета до Суринама, на щедрый гонорар владельцам банановых плантаций и на мизерную стоимость фрахта «Сан-Кристовалья», и еще пятьдесят тысяч долларов сливались на счет в банке на Каймановых островах, открытый на имя продажного таможенного чиновника в Гамбурге.

Европейские гангстеры возьмут на себя задачу измельчения твердых брикетов в похожий на тальк порошок, добавления примесей с целью увеличения объема и розничной продажи потребителям. Но если накладные расходы на переправку товара из джунглей в гамбургский порт составляли пять процентов и еще пять процентов уходило на накладные расходы в Европе, оставалась прибыль в девяносто процентов, которую делили между собой колумбийский наркокартель и преступные группировки Европы и Соединенных Штатов.

Американскому президенту предстояло узнать все это из отчета Берригана, который лег к нему на стол через три дня, как и было обещано.

В то время как президент читал отчет после ужина, еще две тонны чистого колумбийского кокаина в кузове пикапа тайно пересекли границу штата Техас неподалеку от маленького городка Нуэво-Ларедо и исчезли на бескрайних просторах Америки.

Уважаемый господин президент!

Мне выпала честь представить вам доклад обо всем, что связано с производством, распространением и употреблением кокаина.

ИСХОДНОЕ СЫРЬЕ: кокаин получается исключительно из коки, неказистого кустарника, с незапамятных времен произрастающего в джунглях в горах северо-западной части Южной Америки.

Местные жители испокон веку жевали листья коки, обнаружив, что это помогает заглушить постоянное чувство голода и улучшить настроение. Кока редко цветет и дает плоды; отвердевшие ствол и ветви растения не содержат наркотик, он находится только в листьях.

Но даже так кокаин составляет значительно меньше одного весового процента листовой массы. Требуется 375 килограммов свежих листьев коки – достаточно, чтобы запол-

нить кузов пикапа, – для производства 2,5 килограммов пасты коки, промежуточного сырья, из которого в свою очередь получается один килограмм чистого кокаина в форме белого порошка.

ГЕОГРАФИЯ: в настоящий момент приблизительно 10 процентов мирового производства кокаина приходится на Боливию, 29 процентов на Перу и 61 процент на Колумбию.

Однако колумбийские банды полностью забирают продукцию мелких производителей еще на этапе производства пасты, перерабатывают ее и выдают практически сто процентов готового наркотика.

ХИМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ: для превращения свежих листьев коки в готовый продукт требуется всего два химических процесса, и оба они являются дешевыми. Вот почему, учитывая отчаянную нищету крестьян, которые выращивают по сути дела неприхотливый сорняк, искоренить посадки коки пока что никак не удастся.

Собранные листья насыпаются в старую бочку и заливаются кислотой – подойдет дешевая серная кислота из автомобильных аккумуляторов, – которая растворяет кокаин. Затем размокшие листья вытаскиваются и выбрасываются, после чего остается что-то вроде густого бурого бульона. Раствор разбавляется спиртом или даже керосином, что приводит к выпадению в осадок алкалоидов.

Осадок снимается и обрабатывается такой сильной щелочью, как углекислый натрий. В результате получается пенистая белесая слизь, которая называется «пастой». Паста является основным объектом торговли наркотиками в Южной Америке. Именно ее покупают у крестьян гангстеры. Приблизительно 150 килограммов листьев дает 1 килограмм пасты. Все химические реактивы являются дешевыми и доступными, а готовый продукт легко транспортировать от плантаций к месту дальнейшей переработки.

ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ПЕРЕРАБОТКА: в тайных лабораториях, как правило, спрятанных в глухих джунглях, паста превращается в белоснежный порошкообразный гидрохлорид кокаина (полное название) посредством добавления таких химических реактивов, как соляная кислота, марганцово-кислый калий, ацетон, эфир, аммиак, углекислый кальций, углекислый натрий, серная кислота и снова керосин. Затем раствор «восстанавливается», осадок высушивается, и получается белый порошок. Все химические реактивы являются дешевыми, а поскольку они применяются во многих легальных видах деятельности, они также доступны.

СТОИМОСТЬ: крестьянин, выращивающий коку, или «кокалеро», работая круглый год как вол, собирает со своей делянки до шести урожаев в год; каждый урожай дает ему по 125 килограммов свежих листьев. Итого он выращивает в год 750 килограммов листьев коки, что позволяет получить пять килограммов пасты. За вычетом накладных расходов кокалеро зарабатывает около 5000 долларов в год. Даже после переработки в порошок за килограмм кокаина можно выручить около 4000 долларов.

ПРИБЫЛЬ: таким прибыльным не является ни одно производство в мире. Стоимость одного килограмма «чистого» колумбийского кокаина возрастает с 4000 долларов до 60 000–70 000 долларов, преодолев три тысячи миль от побережья Колумбии до США или пять тысяч миль до Европы. И это еще не предел. Этот килограмм, перед тем как попасть к конечному потребителю, будет разбавлен в шесть-семь раз по весу и объему, нисколько не потеряв в цене за грамм. В конечном счете потребителю придется выложить розничному торговцу около 70 000 долларов за килограмм кокаина, который покидал побережье Колумбии, имея стоимость всего 4000 долларов.

РЕЗУЛЬТАТЫ: такая высокая норма прибыли гарантирует то, что крупные игроки могут позволить себе новейшие технологии, оборудование, оружие и научные разработки. Они могут нанимать ученых мирового уровня, подкупать государственных чиновников – в некоторых случаях вплоть до президентов суверенных государств. При этом у них буквально

нет отбоя от желающих помочь с транспортировкой и распространением продукции в обмен на кусок прибыли. И сколько бы простых «ишаков» ни отправлялось за решетку, всегда найдутся тысячи отчаявшихся глупцов, готовых пойти на риск.

СТРУКТУРЫ: после убийства Пабло Эскобара, главы Медельинского картеля, и отхода от дел братьев Очоа из Кали колумбийские гангстеры разделились на сотню мелких картелей. Однако в последние три года образовался новый гигантский картель, объединивший их под своим господством.

Двое независимых игроков, пытавшихся удержать свои позиции, были обнаружены убитыми, причем перед смертью их подвергли изощренным пыткам; после этого сопротивление новым объединителям прекратилось. Мега-картель именует себя «Эрмандадом», Братством, и действует как крупная промышленная корпорация, которая к тому же имеет в своем распоряжении личную армию, защищающую ее собственность, а также карательный отряд для поддержания внутренней дисциплины.

Братство не производит кокаин. Оно скупает всю продукцию мини-картелей в виде готового белого порошка, предлагая «справедливую» (по собственным меркам) цену не по принципу «соглашайся или уходи», а по принципу «соглашайся или умри». Затем кокаин распространяет по всему миру.

ОБЪЕМЫ: общее производство кокаина составляет приблизительно 600 тонн в год, и этот объем делится на две примерно равные части по 300 тонн, которые отправляются в США и Европу, по сути дела, единственные два континента, где употребляется кокаин. Принимая в расчет норму прибыли, указанную выше, общие доходы измеряются даже не в сотнях миллионов долларов, а в десятках миллиардов.

ТРУДНОСТИ: вследствие высоких прибылей между Картелем и конечным потребителем может быть до двадцати посредников. Эти посредники обеспечивают транспортировку наркотика, его распространение и розничную продажу. Вот почему ПОО (правоохранительным органам) всех стран чрезвычайно трудно выходить на крупных игроков. Они надежно защищены, без колебаний прибегают к насилию, запугивая своих врагов, и никогда не имеют личного контакта с товаром. Мелкая рыбешка постоянно попадает в сети, предстает перед судом и отправляется за решетку, однако ей тотчас же находится замена.

ПЕРЕХВАТ: американские и европейские ПОО непрерывно ведут войну с кокаиновой индустрией; постоянно происходит перехват партий товара и захват складов. Но на обоих континентах ПОО удастся перекрыть всего от десяти до пятнадцати процентов рынка кокаина, и, учитывая огромную норму прибыли, этого явно недостаточно. Для того чтобы подорвать кокаиновую индустрию, необходимо поднять процент «перехвата» и «конфискации» как минимум до восьмидесяти процентов. Если картели начнут терять девяносто процентов товара, они развалятся, и кокаиновая индустрия будет наконец уничтожена.

ПОСЛЕДСТВИЯ: всего тридцать лет назад кокаин считался не более чем «карамелью для носа» великосветских персон, биржевых магнатов и воротил «улицы дребезжащих жестянок»¹. Сегодня он превратился в национальное бедствие, которое оказывает катастрофическое воздействие на общество. По оценкам ПОО, на обоих континентах до семидесяти процентов уличной преступности (угон машин, грабежи, разбои и т. п.) совершается ради того, чтобы добыть деньги на очередную дозу. В тех случаях, когда преступник находится под воздействием особенного сильного побочного продукта кокаина под названием «крэк», грабеж, как правило, сопровождается неоправданным насилием.

¹ «Улица дребезжащих жестянок» – квартал Манхэттена, где в конце XIX века были сосредоточены музыкальные магазины, нотные издательства и студии грамзаписи. Впоследствии название распространилось на всю индустрию популярной музыки. (Здесь и далее примеч. пер.)

Помимо того, прибыль от торговли кокаином после отмыывания используется для финансирования других видов преступной деятельности, в первую очередь незаконной торговли оружием (которое применяется в преступном мире и террористами), а также торговли людьми, в особенности нелегальными иммигрантами и похищенными девушками, которых вынуждают заниматься проституцией.

ВЫВОДЫ: наша страна была потрясена осенью 2001 года разрушением башен Всемирного торгового центра и атакой на Пентагон, в результате чего погибло больше 3000 человек. С тех пор ни один американский гражданин не погиб у себя на родине в результате организованного извне терроризма, однако война с терроризмом продолжается и должна продолжаться дальше. Но в это же самое десятилетие, по самым скромным оценкам, количество жизней, загубленных из-за наркотиков, в десять раз превосходит число жертв трагедии 11 сентября, и больше половины из них приходится на химическое соединение под названием «кокаин».

Доклад подготовил РОБЕРТ БЕРРИГАН,

заместитель директора Управления по борьбе с наркотиками, начальник оперативного отдела

Приблизительно в то же самое время, когда доклад Берригана был доставлен курьером в Белый дом, бывший сотрудник британской таможни сидел в убогой конторе лиссабонского порта, отрешенно уставившись на фотографию старого потрепанного траулера.

Всю свою взрослую жизнь Тим Мэнхайр проработал в налоговом управлении. Профессия эта не пользуется особой популярностью, однако считается крайне важной. И пусть сбор налогов с несчастного туриста для алчного правительства не заставляет кровь быстрее течь по жилам; Мэнхайр, вынужденный трудиться на пыльных задворках портового района Лиссабона, был доволен своей жизнью, и полному его счастью мешали только козни старого знакомого врага: недостаток средств.

Он возглавлял небольшое ведомство АЦМО-Н, еще одну аббревиатуру в мире закона и правопорядка. За этой аббревиатурой скрывается Аналитический центр морских операций, связанных с наркотиками, в котором работают бок о бок специалисты из семи стран. Шестью партнерами Великобритании являются Португалия, Испания, Ирландия, Франция, Италия и Нидерланды. Португалия гостеприимно предоставила место для штаб-квартиры организации, а возглавил ее англичанин, с этой целью переведенный из СНТС (Службы налогов и таможенных сборов Ее Величества) в АБОП (Агентство по борьбе с организованной преступностью).

АЦМО старается координировать действия ПОО европейских стран и военно-морских сил в борьбе с контрабандой кокаина из стран Карибского бассейна через Атлантику на побережья Западной Европы и ее соседа Западной Африки.

Причина отчаяния Тима Мэнхайра в то солнечное утро заключалась в том, что он видел, как еще одна крупная рыба вот-вот выскользнет из сетей.

Фотография была сделана с воздуха, но патрульный самолет был бессилен предпринять что-либо помимо получения красивых снимков. Он просто передал в считанные секунды изображение в АЦМО, находящийся на удалении многих миль.

На фотографии был изображен убогий толстозадый траулер, на носу которого красовалась надпись «Эсмеральда-Г». Корабль был обнаружен по чистой случайности в восточной части Атлантики, в первые предрассветные минуты. Отсутствие бурунов говорило о том, что траулер лег в дрейф после того, как невидимым шел всю ночь. Разрешение снимка было настолько хорошим, что Мэнхайр в увеличительное стекло рассмотрел, как команда готовится накрыть судно от носа до кормы синим брезентом. Это была обычная уловка морских контрабандистов кокаином, стремящихся любыми средствами избежать обнаружения.

Ночью корабль идет полным ходом, затем весь день беззвучно качается на волнах, накрытый брезентом, сливающийся с окружающим морем. Заметить такое судно с воздуха крайне трудно. После захода солнца команда скатывает брезент, убирает его, и корабль идет дальше. Разумеется, такой способ отнимает много времени, но зато так гораздо безопаснее. И то, что экипаж на рассвете был застигнут врасплох раскатывающим брезент, выдавало траулер с головой. О ловле рыбы не было и речи; груз уже находился в трюме, до тонны белого порошка, уложенного в герметичные пакеты, чтобы избежать пагубного воздействия соленой воды.

Скорее всего, «Эсмеральда-Г» направлялась из укромной бухты на побережье Венесуэлы к западным берегам Африки, в Гвинею-Бисау, государство, живущее торговлей наркотиками. «Эх, – мысленно простонал Мэнхайр, – если бы судно находилось чуть дальше на север, вблизи принадлежащих Испании Канарских островов или португальских Мадейры или Азорских островов!» Береговая охрана этих стран отправила бы в море быстроходный катер на перехват контрабандистов.

Но судно пребывало гораздо южнее, всего в сотне миль к северу от Островов Зеленого мыса – а это государство ничем помочь не могло. Необходимой техники нет. И не было никакого смысла обращаться за помощью к цепочке стран-неудачниц, изогнувшихся дугой от Сенегала до Либерии. Они сами являлись не решением проблемы, а ее частью.

Поэтому Тим Мэнхайр попросил о помощи военно-морские флоты шести европейских держав и Соединенных Штатов, однако ни у кого в данном районе в настоящий момент не было ни фрегата, ни эсминца, ни крейсера. На борту «Эсмеральды-Г», заметив сфотографировавший судно самолет, поймут, что корабль обнаружен, и, отбросив фокусы с брезентом, на полных парах устремятся к берегу. До земли им всего двести морских миль, и даже если выжимать убогих десять узлов, уже к завтрашнему утру корабль затеряется в мангровых зарослях побережья Гвинеи-Бисау.

Но даже если судно и удастся перехватить в море, неприятности на этом не закончатся. Совсем недавно по счастливой случайности фрегат французского ВМФ, откликнувшись на призыв АЦМО, по наводке центра обнаружил находившийся от него в четырехстах милях траулер с грузом кокаина. Однако французы были буквально одержимы стремлением соблюсти все юридические формальности. Согласно их правилам, контрабандистов доставили на буксире в ближайший «дружеский» порт. Каковым оказался Конакри, столица Гвинеи, еще одной страны-неудачницы.

Затем из Парижа на захваченный корабль вылетел магистрат для соблюдения «*les formalités*»². Что#то связанное с правами человека – *les droit de l'homme*.

– *Droits de mon cul*, – в сердцах пробормотал Жан-Луи, французский коллега Мэнхайра.

Даже англичанин смог понять, что речь идет о «правах моей задницы».

Итак, корабль был задержан, команда привлечена к суду, а груз кокаина конфискован. Через неделю траулер ускользнул из порта и скрылся в открытом море. Судно управлялось его собственной командой, которая была выпущена под залог судьей, пересевшим с разбитого «Пежо» на новенький «Мерседес», ну а конфискованные тюки – они, скажем так, исчезли.

Директор АЦМО, вздохнув, сохранил на компьютере название корабля и его фотографию. Если «Эсмеральду-Г» заметят еще раз... Однако этого не случится. Предупрежденная, она перед новым выходом в Атлантику сменит название и превратится в судно, ведущее лов тунца. А если это произойдет, какова будет вероятность того, что по счастливой случайности

² Формальностей (*фр.*).

еще один самолет военно-морского флота одной из европейских держав пролетит над ним как раз в тот момент, когда команда будет раскатывать брезент? Одна тысячная.

И в этом, подумал Мэнхайр, и заключается главная проблема. Скудные ресурсы и безнаказанность контрабандистов, которым ничего не грозит даже в том случае, если они попадутся.

Неделю спустя президент Соединенных Штатов вызвал к себе главу Министерства внутренней безопасности, сверхведомства, которое стравливало друг с другом и подминало под себя тринадцать разведывательных служб США. Директор МВБ, выслушав своего главнокомандующего, изумленно уставился на него.

– Господин президент, вы это серьезно?

– Да, думаю, серьезно. Что вы посоветуете?

– Ну, если вы намереваетесь уничтожить кокаиновую индустрию, вам придется иметь дело с самыми злыми, жестокими и безжалостными людьми в мире.

– В таком случае, полагаю, нам потребуется кто-то еще лучше.

– Кажется, сэр, вы хотели сказать, еще хуже.

– У нас есть такой человек?

– Ну, на ум приходит одно имя, точнее, репутация. На протяжении нескольких лет этот человек был главой контрразведки ЦРУ. Сыграл большую роль в разоблачении и задержании Олдрича Эймса³, когда ему наконец позволили заняться этим делом. Затем возглавлял отдел специальных операций. Едва не заманил в ловушку и не уничтожил Усаму бен Ладена, и это было еще до событий одиннадцатого сентября. Освобожден от должности два года назад.

– Освобожден от должности?

– Выгнан с работы.

– Почему?

– Чересчур беспощаден.

– По отношению к коллегам?

– Нет, сэр. Насколько я понял, по отношению к нашим врагам.

– Нельзя быть чрезмерно беспощадным по отношению к врагу. Я хочу вернуть этого человека на службу. Как его фамилия?

– Забыл, сэр. В Лэнгли все называли его исключительно по прозвищу, «Коброй».

³ Эймс, Олдрич Хейзен – бывший начальник контрразведывательного подразделения ЦРУ, в 1985 году завербован советской разведкой, в 1994 году арестован и приговорен к пожизненному заключению.

Глава 02

Человека, которого искал президент, звали Поль Деверо, и, когда его в конце концов разыскали, он молился. Он считал молитву очень важным занятием.

Поль Деверо происходил из одной из тех семей, которые в Массачусетсе считались аристократией. С молодых лет он уже имел собственное состояние, что, однако же, не помешало ему усердно учиться и много работать.

Он поступил в школу при Бостонском колледже, главном поставщике абитуриентов для одного из ведущих иезуитских университетов Соединенных Штатов. И там показал себя птицей высокого полета. Его религиозность не уступала тяге к знаниям, и одно время он серьезно подумывал о том, чтобы сделаться священником-иезуитом. Однако затем принял приглашение стать членом другого клуба для избранных, Центрального разведывательного управления.

Для двадцатилетнего юноши, который на экзаменах отвечал на любые, самые каверзные вопросы и за год в совершенстве овладевал иностранным языком, это был выбор служения родине и богу через борьбу с коммунизмом и атеизмом. Просто Поль предпочел светский путь духовному.

В управлении он быстро поднимался по служебной лестнице благодаря таланту и неудержимости. И если из-за независимого характера Деверо не стал самым популярным человеком в Лэнгли, ему было на это по большому счету наплевать. Ему довелось поработать в трех отделах: оперативном, разведывательно-аналитическом и контрразведке (внутренней безопасности). В 1991 году Поль попрощался с «холодной войной», завершившейся развалом СССР, – чего он упорно добивался двадцать лет, – но оставался на службе вплоть до 1998 года, когда «Аль-Каида» взорвала два посольства Соединенных Штатов: в Найроби и Дар-эс-Саламе.

К тому времени Деверо уже стал опытным арабистом, рассудив, что советское направление – это слишком просто, и к тому же там и без него народу полно. Овладевший в совершенстве несколькими диалектами арабского языка, он оказался как раз тем человеком, которому предстояло возглавить новое подразделение в составе Управления, отдел специальных операций, чья деятельность была направлена на борьбу с новой угрозой – исламским фундаментализмом и порожденным им международным терроризмом.

Уход Поля в отставку в 2008 году вызвал извечный вопрос: он ушел сам или его «ушли»? Естественно, Деверо настаивал на первом. Благожелательный наблюдатель назвал бы решение о «разводе» взаимным. Деверо принадлежал к старой школе. Он мог цитировать по памяти Коран лучше большинства мусульманских богословов и проглотил по меньшей мере тысячу комментариев к нему. Однако его окружали молодые дарования, чьи уши были словно припаяны к сотовым телефонам – устройству, которое Деверо презирал.

Он ненавидел политкорректность, предпочитая обращаться вежливо и любезно со всеми, за исключением тех, кто безусловно являлся врагом единственного истинного бога и Соединенных Штатов. С ними он расправлялся без колебаний. Его окончательное расставание с Лэнгли произошло после того, как директор ЦРУ строго указал на то, что в современном мире сомнение в собственной правоте является обязательным качеством.

Поэтому Деверо ушел, устроив на прощание тихую неискреннюю вечеринку – еще одна условность, которую он терпеть не мог, – и удалился на покой в свой великолепный особняк в исторической части Александрии. Там он смог полностью отдаться своей внушительной библиотеке и собранию редких произведений исламского искусства.

Деверо не был «голубым», но не был он и женат, что в свое время вызывало множество пересудов у кофейных автоматов в коридорах старого корпуса в Лэнгли – Деверо

наотрез отказался переехать в новое здание. В конце концов сплетники были вынуждены признать очевидное. Воспитанного иезуитами интеллектуала, бостонского аскета-аристократа эти вопросы просто не интересовали. Именно тогда какой-то остряк заметил, что Деверо обладает обаянием кобры. И прозвище закрепилось.

Молодой сотрудник аппарата Белого дома отправился сначала в особняк на пересечении Саут-Ли-стрит и Саут-Фэрфакс-стрит. Домработница Мейзи, сияя, ответила, что хозяин в церкви, и объяснила, как туда проехать. Вернувшись к своей машине, молодой человек обернулся и подумал, что вернулся назад в прошлое на два столетия.

И в этом была своя доля истины. Александрия была основана английскими купцами в 1749 году. Этот город был «довоенным» не только в том смысле, что он существовал до Гражданской войны; он существовал еще до Войны за независимость. В прошлом порт на реке Потомак, Александрия процветала за счет торговли сахаром и рабами. Корабли, груженные сахаром, которые ползли вверх по реке от Чесапикского залива, оставляя позади Атлантику, в качестве балласта использовали старый английский кирпич. Именно из этого кирпича купцы и строили свои замечательные дома. В результате получилась скорее старушка Европа, чем Новый свет.

Человек из Белого дома уселся в машину позади водителя и дал указания, как доехать до Саут-Ройял-стрит и найти католическую церковь Святой Марии. Открыв дверь, он оставил позади шум улицы и оказался в безмолвном спокойствии нефа. Оглядевшись вокруг, молодой человек увидел одинокую фигуру, стоящую на коленях перед алтарем.

Ступая бесшумно, он пересек неф, пройдя мимо восьми витражей, через которые только и проникал свет. Сам баптист, он, удивляясь слабому аромату благовоний и воска зажженных поминальных свечей, приблизился к коленопреклоненному седовласому человеку, молившемуся перед закрытым белой тканью алтарем, на котором стоял простой позолоченный крест.

Вошедшему казалось, он двигался беззвучно, однако мужчина поднял руку, призывая его не нарушать тишину. Закончив молитву, он поднялся с колен, склонил голову, перекрестился и обернулся. Человек с Пенсильвания-авеню попытался было заговорить, но седовласый мужчина снова поднял руку и направился через неф обратно к коридору перед дверью, ведущей на улицу. Лишь там он обернулся и улыбнулся. Открыв дверь, он увидел перед входом лимузин.

– Я из Белого дома, сэр, – сказал сотрудник президентской администрации.

Деверо кивнул.

– Многое меняется в этой жизни, мой юный друг, но только не прически и не машины.

Если сотрудник президентской администрации полагал, что слова «Белый дом», которые он произносил с наслаждением, произведут свое обычное действие, его ждало разочарование.

– И что нужно Белому дому от ушедшего на покой старика?

Молодой человек был озадачен. В обществе, помешанном на молодости, никто не называет себя стариком, даже в семьдесят лет. Он не знал, что в арабском мире старость пользуется уважением.

– Сэр, с вами хочет встретиться президент Соединенных Штатов.

Деверо молчал, словно обдумывая услышанное.

– Прямо сейчас, сэр.

– В таком случае, полагаю, мне нужно будет надеть темный костюм и галстук, то есть нужно будет заскочить ко мне домой. И поскольку машину я не вожу, машины у меня нет. Надеюсь, вы отвезете меня туда и обратно?

– Да, сэр. Разумеется.

– В таком случае, поехали. Ваш водитель знает, где я живу. Насколько я понял, вы заезжали ко мне и говорили с Мейзи.

Встреча в Западном крыле была короткой. Она состоялась в кабинете главы президентской администрации, Джонатана Сильвера, конгрессмена от штата Иллинойс, уже много лет работавшего в команде президента.

Пожав Деверо руку, президент представил ему своего самого преданного соратника.

– Мистер Деверо, у меня есть к вам одно предложение, – начал разговор глава законодательной власти. – В каком#то смысле, просьба. Да, просьба во всех отношениях. Как раз сейчас у меня должна состояться одна встреча, от которой я никак не могу отбрыкаться. Но это неважно. Мистер Сильвер вам все объяснит. Мне бы очень хотелось услышать ваш ответ, как только вы сможете его дать.

Улыбнувшись и снова пожав Деверо руку, президент ушел. Мистер Сильвер не улыбался. У него не было такой привычки. Улыбался он крайне редко и только тогда, когда узнавал, что у одного из противников президента большие неприятности. Взяв со стола папку, Джонатан Сильвер протянул ее своему собеседнику.

– Президент будет очень признателен, если вы сначала ознакомитесь вот с этим. Здесь. Сейчас.

Он указал на кожаное кресло в дальнем углу кабинета. Поль Деверо взял папку, сел, скрестил ноги, облаченные в ладно скроенные брюки, и прочитал доклад Берригана. Через десять минут, закончив читать, он поднял голову.

Джонатан Сильвер работал с бумагами. Поймав на себе взгляд старого агента спецслужб, от отложил ручку.

– Что думаете на этот счет?

– Довольно любопытно, но ничего нового. Что вам нужно от меня?

– Президент хочет узнать вот что. Возможно ли, используя нашу новейшую технику и силы специального назначения, уничтожить кокаиновую индустрию?

Деверо уставился в потолок.

– Ответ, данный после пятисекундного размышления, не будет ничего стоить. И мы оба это понимаем. Мне понадобится время, чтобы провести то, что французы называют «projet d'etude»⁴.

– Мне начхать с высокой колокольни на то, как это называют французы, – последовал ответ.

Джонатан Сильвер редко покидал Соединенные Штаты, если не считать поездок в свой любимый Израиль, а к Европе и в первую очередь к Франции относился более чем негативно.

– Вам нужно время, чтобы изучить вопрос, так? Сколько?

– Минимум две недели. И еще мне понадобится доверительное письмо, требующее от всех государственных органов отвечать на мои вопросы честно и правдиво. В противном случае ответ по#прежнему не будет ничего стоить. Полагаю, ни вы, ни президент не хотите тратить время и деньги на проект, обреченный на неудачу?

Глава президентской администрации какое#то время молча разглядывал своего собеседника, затем встал и вышел из кабинета. Вернулся он через пять минут с письмом. Пробежав письмо взглядом, Деверо кивнул. Этого листка бумаги, который он держал в руках, было достаточно, чтобы преодолеть любые бюрократические барьеры в стране. Джонатан Сильвер также протянул визитную карточку.

– Мои личные номера телефонов. Домашний, рабочий и сотовый. Все защищены. Абсолютно надежны. Звоните в любое время, но только если у вас будут веские причины. Отныне президент остается в стороне. Доклад Берригана вам будет нужен?

⁴ Предварительные изыскания (фр.).

– Нет, – мягко ответил Деверо. – Я запомнил его наизусть. Как и номера ваших телефонов.

Он вернул карточку, мысленно насмехаясь над похвальбой относительно «абсолютной надежности». Несколько лет назад один английский хакер, страдающий легким психическим расстройством, с легкостью взломал все защитные системы баз данных НАСА и Пентагона. Причем сделал это с помощью дешевого персонального компьютера, из маленькой квартиры в Северном Лондоне. Кобра как никто другой разбирался в проблемах секретности; он знал, что три человека могут сохранить что-то в тайне только тогда, когда двое из них мертвы, знал, что единственный способ сделать дело и остаться в живых заключается в том, чтобы прийти и уйти до того, как плохие ребята проснутся.

Через неделю после встречи Деверо и Сильвера президент приехал в Лондон. Не с государственным визитом, а просто с официальным. Однако президента и первую леди приняла в Виндзорском замке королева, освежая давнишнюю и искреннюю дружбу.

Помимо этого, состоялось несколько рабочих дискуссий с упором на текущее положение в Афганистане, экономику двух стран, ситуацию в ЕС, глобальное потепление и связанные с ним изменения климата и взаимную торговлю. В выходные президент с супругой согласились отдохнуть с новым британским премьером в официальной загородной резиденции, величественном особняке эпохи Тюдоров под названием Чекерс. Вечером в воскресенье обе пары после ужина пили кофе в Длинной галерее. Поскольку было холодно, в камине с треском горели поленья, отбрасывая дрожащие отсветы на книжные шкафы со старинными книгами в кожаных переплетах ручной работы, расставленные вдоль стен.

Никогда невозможно предсказать, как сложатся отношения между главами двух стран: останутся они лишь просто знакомыми, или их свяжет истинная дружба. Бывает и так, и эдак. История свидетельствует о том, что Франклин Д. Рузвельт и Уинстон Черчилль, хотя у них и были некоторые разногласия, относились друг к другу тепло. Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер были настоящими друзьями, несмотря на непоколебимые убеждения «железной леди» и простой народный юмор уроженца Калифорнии.

Отношения между британскими и европейскими лидерами высшего уровня редко выходят за рамки официальной вежливости, но часто не бывает даже и этого. В этой связи характерен один случай, когда германский канцлер Гельмут Шмидт привез с собой такую грозную жену, что британский премьер Гарольд Вильсон, отправляясь на ужин, отпустил одну из редких острот, заметив своему окружению: «Так, обмен женами отменяется».

Гарольд Макмиллан терпеть не мог Шарля де Голля (взаимно), однако при том питал симпатию к гораздо более молодому Джону Ф. Кеннеди. Возможно, все дело было в общем языке, но необязательно.

Если учесть пропасть между прошлым двух мужчин, этим осенним вечером наслаждавшихся теплом камина, в то время как в сгущающейся темноте вокруг особняка патрулировали сотрудники секретной службы и английские десантники, вероятно, покажется странным, что всего за три встречи, в Вашингтоне, на Генеральной ассамблее ООН и вот теперь в Чекерсе, между ними возникла личная дружба.

Американский лидер не мог похвастаться своим прошлым: отец-кениец, мать, уроженка Канзаса, детство на Гавайях и в Индонезии, с ранних лет борьба против расизма. Английский премьер происходил из семьи биржевого маклера, женатого на дочери сельского судьи; в детстве гувернантка, затем обучение в двух самых дорогих и престижных частных школах страны. Подобное прошлое дает непринужденное обаяние, за которым может скрываться внутренняя сталь. У кого-то это так, у других – нет.

На более поверхностном уровне у двух лидеров было гораздо больше общего. Обоим еще не было и пятидесяти, оба были женаты на красивых женщинах, у обоих дети еще учились в школе, оба получили дипломы с отличием и всю свою взрослую жизнь провели

в политике. И оба были обеспокоены, даже одержимы проблемами изменения климата, нищеты в странах третьего мира, национальной безопасности и бедственного положения тех соотечественников, которых Франц Фанон⁵ называл «презренными изгоями».

Пока супруга премьер-министра показывала первой леди редкие книги собрания, президент вполголоса спросил своего британского коллегу:

– У вас было время взглянуть на доклад, который я вам передал?

– Разумеется. Впечатляюще... и очень тревожно. У нас на руках серьезная проблема. Наша страна является крупнейшим в Европе потребителем кокаина. Два месяца назад Агентство по борьбе с организованной преступностью представило мне доклад о растущем количестве преступлений, связанных с наркотиками. А что?

Президент устался на огонь, подбирая слова.

– В настоящий момент один человек по моей просьбе изучает вопрос чисто теоретической осуществимости одного плана: возможно ли, при всех наших высоких технологиях и мастерстве сил специального назначения, уничтожить кокаиновую индустрию?

Премьер-министр такого явно не ожидал. Он посмотрел на американского лидера.

– Этот ваш человек, он уже вам докладывал?

– Нет. Я ожидаю его вердикта в самое ближайшее время.

– И его совет. Вы к нему прислушаетесь?

– Думаю, да.

– А если он скажет, что это осуществимо?

– В таком случае, полагаю, Соединенные Штаты пойдут на это.

– Наши страны расходуют огромные средства, пытаясь бороться с наркотиками. Все мои эксперты утверждают, что о полном уничтожении индустрии не может быть и речи. Мы перехватываем партии груза, ловим мелких торговцев и бандитов и отправляем их за решетку на длительные сроки. Однако это ничего не меняет. Поток наркотиков не иссякает. Тех, кто садится в тюрьму, заменяют новые добровольцы. Аппетит общества к наркотикам только растет.

– Но если мой человек скажет, что это можно сделать, Великобритания пойдет вместе с нами?

Ни одному политику не нравится, когда его бьют ниже пояса, даже если это делает друг. Даже если это делает президент США. Премьер-министр постарался выиграть время.

– Это должен быть реальный план. Который нужно будет профинансировать.

– План будет. И деньги тоже будут. Но мне бы хотелось привлечь к делу ваши силы специального назначения. Ваши правоохранительные ведомства. Вашу опытную разведку.

– Мне нужно будет посоветоваться со своими людьми, – сказал премьер.

– Посоветуйтесь, – сказал президент. – Я дам вам знать, как только мой человек скажет свое слово и станет ясно, беремся ли мы за дело.

Все четверо начали готовиться ко сну. Утром им предстояло присутствовать на службе в местной церкви.

Всю ночь охране предстояло наблюдать, проверять, осматривать и снова проверять. Вооруженные, одетые в бронежилеты бойцы, оснащенные очками ночного видения, инфракрасными сканерами, сенсорами, реагирующими на движение, и детекторами тепла человеческого тела, готовились патрулировать территорию. Даже специально доставленные из Соединенных Штатов лимузины планировалось всю ночь охранять, чтобы никто не смог к ним приблизиться.

Американской чете, как это неизменно бывает, когда в гости приезжает глава государства, отвели спальню Ли, названную так в честь филантропа, который в 1917 году после пол-

⁵ Фанон, Франц Омар – вест-индский революционер, социальный философ, психоаналитик.

ной реконструкции подарил Чекерс государству. В ней до сих пор стояла огромная кровать под балдахином, сохранившаяся с эпохи короля Георга III. Во время Второй мировой войны в ней спал советский министр иностранных дел Молотов, положив под подушку пистолет. В эту ночь 2010 года пистолета под подушкой не было.

В двадцати милях к югу от колумбийского портового города Картахена находится залив Ураба, берега которого представляют собой непроходимые мангровые болота, рассадник малярии. В то самое время как борт номер один, на котором президентская чета возвращалась из Лондона, заходил на посадку, из скрытой густыми зарослями бухты выскользнули два странных судна и повернули на юго-запад.

Сделанный из алюминиевого сплава корпус, тонкий, словно карандаш, достигал в длину шестидесяти футов, придавая судну сходство с иглой, но на корме были установлены в ряд четыре подвесных мотора «Ямаха» мощностью двести лошадиных сил каждый. В кокаиновом сообществе такие суда называются «быстрыми штучками», и их форма и энерговооруженность нацелены на то, чтобы уйти от любого другого надводного корабля.

Несмотря на значительную длину, свободного места на борту было совсем немного. Большую часть пространства занимали огромные дополнительные канистры с горючим. Кроме того, на каждом судне было по шестьсот килограммов кокаина, упакованного в десять больших пластмассовых бочек, герметично закупоренных, чтобы избежать пагубного воздействия морской воды. Чтобы с бочками было удобнее обращаться, они были помещены в сетки из синего полиэтилена.

В оставшемся между бочками и канистрами с горючим пространстве экипажу из четырех человек приходилось неудобно. Однако об удобствах никто не думал. Одним из четверых был рулевой, высококлассный специалист, способный играючи управляться с «быстрой штучкой» на крейсерской скорости сорок узлов, а при необходимости и разгонять ее до шестидесяти. Остальные трое были накачанными боевиками, которым платили, по их меркам, целое состояние за семьдесят два часа неудобств и риска. Однако на самом деле их совокупное вознаграждение составляло крохотную долю одного процента общей стоимости этих двадцати бочек.

Покинув мангровые заросли, капитаны разогнали в спокойном море свои суда до сорока узлов, начиная долгий путь. Целью была точка в океане в семидесяти морских милях от Колона, города в республике Панама. Там скутеры встретятся в море с сухогрузом «Вирхен де Вальме», который придет с востока, от Карибских островов, направляясь к Панамскому каналу.

Быстроходным катерам предстояло преодолеть до точки встречи триста морских миль, и даже при скорости сорок узлов до восхода солнца им было не успеть. Поэтому следующий день они проведут в дрейфе, качаясь на волнах в изнуряющем зное под синим брезентом, до тех пор пока ночная темнота не позволит им продолжить путь. В этом случае перегрузка товара осуществится в полночь. Это был конечный срок.

Когда быстроходные катера прибыли к месту встречи, сухогруз уже был там и на их сигнал ответил оговоренной последовательностью вспышек прожектора. Взаимное опознавание было завершено обменом условных, но совершенно бессмысленных фраз, прозвучавших в ночи. Скутеры подошли к борту. Ждущие руки затащили двадцать бочек на палубу. За ними последовали пустые канистры, которые вскоре вернулись назад, заполненные под пробку. После чего «Вирхен де Вальме» продолжил путь к Колону, а быстроходные катера развернулись и взяли курс домой. После еще одного дня дрейфа они возвратятся в мангровые болота, до рассвета третьих суток, через шестьдесят часов после выхода в море.

Пять тысяч долларов на каждого члена экипажа и по десять тысяч на капитанов считались огромными деньгами. Доставленный груз будет продан в Соединенных Штатах конечным потребителям приблизительно за восемьдесят четыре миллиона долларов.

Когда «Вирхен де Вальме» вошел в Панамский канал, он был просто еще одним сухогрузом, ожидающим своей очереди, – если только кому-то не пришлось бы в голову спуститься в самый нижний трюм, частично заполненный водой. Однако этого не произошло. Для того чтобы это проделать, нужен дыхательный аппарат, а команда «Вирхена де Вальме» выдавала свои аппараты за часть пожарного снаряжения.

Выйдя из Панамского канала в Тихий океан, сухогруз повернул на север. Он прошел мимо Центральной Америки, Мексики и Калифорнии. Наконец у берегов Орегона двадцать бочек были подняты на верхнюю палубу, подготовлены и спрятаны под брезентом. В безлунную ночь «Вирхен де Вальме» обогнул мыс Флаттери и вошел в пролив Хуан-де-Фука, доставляя груз бразильского кофе гурманам кофейной столицы Америки.

Перед тем как судно вошло в порт, команда сбросила бочки за борт, обмотав их цепями, чтобы груз мягко опустился на дно на глубину сто футов. После чего капитан сделал один звонок по сотовому телефону. Даже если мониторы Агентства национальной безопасности⁶ в Форт-Миде, штат Мэриленд, следили за этим разговором (а они за ним следили), фразы показались бы бессмысленными и безобидными. Что-то про соскучившегося моряка, который через несколько часов встретится со своей подругой.

Двадцать бочек были обозначены маленькими, но яркими буйками, на рассвете качавшимися в серой воде. Там их, в точности похожих на маркеры сетей для ловли омаров, и обнаружили четыре человека на крабовом траулере. Никто не видел, как они вытащили бочки из морских глубин. Если бы локатор траулера заметил присутствие в радиусе нескольких миль кораблей береговой охраны, крабов и близко не подошел бы к бочкам. Но местонахождение груза кокаина было указано навигатором GPS с точностью до нескольких ярдов, поэтому траулер смог выждать подходящий момент.

Из пролива Хуан-де-Фука контрабандисты вернулись к лабиринту из узких проливов и небольших островов к северу от Сиэтла, где пристали к матерiku у рыбацкого причала. Там их уже ждал большой грузовик, развозящий свежее пиво. После перегрузки бочки направляются в глубь страны, чтобы стать частью трехсот тонн кокаина, поступающего в Соединенные Штаты ежегодно. Все участники в самое ближайшее время получают оговоренные гонорары. Команда краболова никогда не узнает ни название сухогруза, ни фамилию владельца грузовика. Это никому и не нужно.

С прибытием наркотика на американскую землю у него менялся хозяин. До сих пор он принадлежал картелю, и со всеми, кто имел отношение к его транспортировке, расплачивался картель. Начиная от грузовика, развозящего пиво, и далее владельцем будет американский импортер, который с этого момента был должен «Эрмандаду» колоссальные деньги, и эти деньги нужно будет заплатить.

Стоимость 1,2 метрической тонны кокаина уже была обговорена. Мелкая рыбешка должна делать стопроцентную предоплату. Крупные игроки вносят аванс в размере пятидесяти процентов, а остальное выплачивают по получении товара. Импортер продаст свой кокаин, получив впечатляющую прибыль за путь от грузовика, развозящего пиво, до ноздри наркомана из Спокана или Милуоки.

Он расплатится с многочисленными посредниками и «отстегнет» своим людям в ФБР и УБН. Всё только наличными. Но даже после того как картель получит свои небывалые пятьдесят процентов от розничной стоимости, у американского гангстера останется бескрайний океан долларов, нуждающихся в отмывании. Эти деньги направятся в сотню других преступных предприятий.

А по всей Америке невинный с виду белый порошок будет убивать людей.

⁶ Агентство национальной безопасности (АНБ) – ведомство в составе Министерства обороны США, занимается защитой правительственной и военной связи и компьютерных систем, а также электронным наблюдением.

Поль Деверо пришел к выводу, что ему для завершения «предварительных изысканий» потребуется четыре недели. Джонатан Сильвер дважды ему звонил, но Кобра был не из тех, кого можно поторапливать. Только когда Деверо наконец был готов, он встретился с главой президентской администрации, снова в Западном крыле. С собой он принес тонкую папку. Презируя компьютеры, в безопасность которых Деверо не верил, он почти все выучил наизусть, а на тот случай, если ему придется иметь дело не с таким выдающимся умом, как его собственный, написал сжатый отчет изящным, хотя и несколько старомодным языком.

– Ну? – спросил Сильвер, гордившийся тем, что он сам называл деловым подходом и прямолинейностью, но что остальные воспринимали как банальную грубость. – Вы пришли к какому-то выводу?

– Пришел, – подтвердил Деверо. – Если будут выполнены строжайшим образом определенные требования, кокаиновую индустрию можно уничтожить как индустрию массового производства наркотиков.

– Каким образом?

– Вначале объясню, как это сделать нельзя. Те, кто начинает путь кокаина, вне досягаемости. Тысячи нищих крестьян кокалери выращивают коку на тысячах делянок, скрытых под пологом джунглей, причем некоторые клочки земли площадью не больше акра. До тех пор пока есть Картель, готовый покупать кокаиновую пасту, крестьяне будут производить ее и поставлять покупателям в Колумбии.

– Значит, о том, чтобы уничтожить производителей, не может быть и речи?

– Нынешнее правительство Колумбии действительно старается это делать, в отличие от некоторых своих предшественников и большинства соседей. Однако Вьетнам должен был преподать нам кое-какие уроки о джунглях и тех, кто в них живет. Пытаться извести муравьев, хлопая их скатанной газетой, – не выход.

– Значит, производственные лаборатории? Картель?

– Опять же, это не выход. Это все равно что пытаться голыми руками схватить мурену у нее в норе. Это их территория, не наша. В Латинской Америке хозяева они, а не мы.

– Хорошо, – сказал Сильвер, теряя свое и без того ограниченное терпение. – В пределах Соединенных Штатов, после того как это дерьмо попало в нашу страну? Вы хотя бы представляете, сколько денег, сколько долларов налогоплательщиков мы тратим на правоохранительные органы? Пятьдесят штатов плюс федеральные службы? Черт побери, этим и объясняется наш национальный долг!

– Совершенно верно, – согласился Деверо, по-прежнему оставаясь невозмутимым, несмотря на растущее раздражение Сильвера. – Если не ошибаюсь, одно только федеральное правительство ежегодно тратит на войну с наркотиками четырнадцать миллиардов долларов. И это без учета дыр в бюджетах штатов, всех пятидесяти. Вот почему победить врага у нас дома также невозможно.

– Так где же ключ?

– Ахиллесовой пятой является вода.

– Вода? Вы предлагаете поливать кокаин водой?

– Нет, я имею в виду воду под кокаином. Морскую воду. Если не считать одной-единственной сухопутной дороги из Колумбии в Мексику по узкому хребту Центральной Америки, контролировать которую настолько легко, что Картель ею не пользуется, весь до последнего грамма кокаин, поступающий в Соединенные Штаты и Европу...

– Забудьте Европу, нас это не касается, – отрезал Сильвер.

– ...приходится переправлять морем, по воде или над водой. Даже из Колумбии в Мексику кокаин попадает морем. Вот сонная артерия Картеля. Если ее перерезать, пациент умрет.

Пробурчав себе под нос что-то нечленораздельное, Сильвер уставился на сидящего напротив отставного шпиона. Тот спокойно выдержал его взгляд, как будто ему было наплевать, согласятся с его выводами или нет.

– Итак, я могу доложить президенту, что его проект осуществим и вы готовы им заняться?

– Не совсем. Есть кое-какие условия. Боюсь, обсуждению они не подлежат.

– Это похоже на угрозу. Овальному кабинету не принято угрожать. Умерьте свой пыл, мистер!

– Это не угроза, а предупреждение. Если условия не будут приняты, проект просто завершится провалом, дорогостоящим и позорным. Условия вот.

Деверо пододвинул по столу тонкую папку. Глава президентской администрации ее открыл. В ней лежали всего два листа бумаги, судя по всему, отпечатанные на пишущей машинке. Пять пунктов. Пронумерованных. Сильвер прочитал первый.

1. Мне будет нужна полная независимость действий при соблюдении строжайшей секретности. Только несколько человек из ближайшего окружения верховного главнокомандующего должны знать, что происходит и почему, и неважно, кому взъерошат перья или свернут нос. Всем остальным нужно знать только то, что им нужно знать; а это абсолютный минимум, необходимый им для выполнения порученной задачи.

– В федеральных структурах и у военных утечек не бывает, – отрезал Сильвер.

– Нет, утечки бывают, – невозмутимо возразил Деверо. – Половину своей жизни я потратил на то, чтобы перекрывать подобные утечки и исправлять их последствия.

2. Мне потребуется санкция президента, наделяющая меня полномочиями запрашивать полное содействие и получать его без возражений от любых государственных ведомств и воинских частей, чья помощь будет необходима. Это должно начинаться с автоматической передачи любых крупиц информации, поступающих во все ведомства, причастные к борьбе с наркотиками, в штаб-квартиру проекта, который мне хотелось бы окрестить «Коброй».

– Все встанут на уши, – проворчал Сильвер.

Он понимал, что информация является силой и никто по доброй воле не уступит ни унции своей силы. Это относилось к ЦРУ, УБН, ФБР, АНБ и вооруженным силам.

– В настоящее время все они согласно закону о патриотизме подчиняются Министерству внутренней безопасности, – напомнил Деверо. – Они выполняют приказ президента.

– Министерство внутренней безопасности занимается борьбой с терроризмом, – напомнил Сильвер. – А контрабанда наркотиков является уголовным преступлением.

– Читайте дальше, – промолвил ветеран ЦРУ.

3. Мне потребуется самому набрать людей. Их будет немного, но те, кто мне понадобится, должны быть привлечены к проекту «Кобра» без вопросов и возражений.

Тут у главы президентской администрации не было никаких замечаний, и он перешел к четвертому пункту.

4. Мне потребуется бюджет в два миллиарда долларов, которые должны быть выданы без отчетности и проверок. Затем мне потребуется девять месяцев на подготовку удара и еще девять месяцев на полное уничтожение кокаиновой индустрии.

Тайные проекты с закрытыми бюджетами бывали и прежде, но не в таких гигантских масштабах. Глава президентской администрации буквально увидел вспыхнувшие тревожные лампочки. Чей бюджет придется ограбить? ФБР? ЦРУ? УБН? Или придется просить у Министерства финансов дополнительные средства?

– Наблюдение за расходами должно быть обязательно, – сказал Сильвер. – Наши казначеи не потерпят, чтобы два миллиарда долларов улетучились в чистое небо просто потому, что вам вздумалось пройтись по магазинам.

– В таком случае у нас ничего не получится, – спокойно ответил Деверо. – Весь смысл этого проекта в том, что кокаиновый картель не должен подозревать о готовящемся ударе. Предупрежден – по-прежнему значит вооружен. Сам по себе характер оборудования и снаряжения выдаст весь план игры, и это непременно попадет к какому-нибудь журналисту, как только бухгалтеры и счетоводы примутся за работу.

– Им не надо будет приниматься на работу – они будут только следить.

– Разницы никакой, мистер Сильвер. Когда они подключатся к делу, секретность будет тотчас же нарушена. Поверьте мне. Я это слишком хорошо знаю.

Бывший конгрессмен от штата Иллинойс сам прекрасно понимал, что тут спорить бесполезно. Он перешел к пятому условию.

5. Необходимо перевести кокаин из категории наркотического вещества класса А, чей ввоз является уголовным преступлением, в угрозу национальной безопасности, чей ввоз или попытка ввоза рассматривается как террористический акт.

Джонатан Сильвер поднялся из кресла.

– Вы с ума сошли? Это же потребует пересмотра законодательства!

– Нет, для этого достаточно будет постановления Конгресса. Необходимо просто пересмотреть категорию одного химического вещества. А для этого потребуются только решение исполнительной власти.

– Какого еще химического вещества?

– Гидрохлорид кокаина является лишь химическим веществом. Да, это запрещенное вещество, чей ввоз попадает под действие уголовного законодательства Соединенных Штатов. Бацилла сибирской язвы также является химическим веществом, как и нервно-паралитический газ «Ви-экс». Но в первом случае химическое вещество классифицируется как бактериологическое оружие массового поражения, а «Ви-экс» считается химическим оружием. Мы вторглись в Ирак только потому, что то ведомство, которое после моего ухода из него все еще считается у нас внешней разведкой, почему-то решило, что у Саддама оружие массового поражения есть.

– То было совершенно другое дело.

– Нет, в действительности это одно и то же. Переклассифицируйте гидрохлорид кокаина в угрозу национальной безопасности, и дальше все костяшки домино повалятся одна за другой. Тысяча тонн кокаина, брошенных на нас в течение года, перестанет быть просто уголовным преступлением: это уже будет террористическая угроза. И тогда мы сможем ответить должным образом в соответствии с законом. Все необходимые законы-то уже приняты.

– Нам понадобится все, чем мы располагаем?

– Ну, значительная часть. Размещенная вне наших территориальных вод и воздушного пространства. И скрытно.

– Будем обращаться с Картелем так, как мы обращаемся с «Аль-Каидой»?

– Сравнение грубое, но в самую точку, – подтвердил Деверо.

– Так что я должен сделать...

Седовласый уроженец Бостона встал.

– Вы, господин глава президентской администрации, должны решить, насколько вы привередливы и, что гораздо важнее, насколько привередлив ваш босс. И когда вы это решите, говорить уже будет больше не о чем. Я уверен, что дело можно сделать, но вот условия, без выполнения которых его сделать нельзя. По крайней мере, я в этом случае его сделать не смогу.

Не дожидаясь, когда его отпустят, Деверо направился к выходу. В дверях он остановился.

– Будьте добры, сообщите мне о решении верховного главнокомандующего, как только оно будет принято. Я буду у себя дома.

Джонатан Сильвер не привык к тому, что его оставляют таращиться на закрытую дверь.

В Соединенных Штатах Америки самым высшим административным постановлением является указ президента. Как правило, такие указы обнародуют, ибо в противном случае едва ли можно ожидать их исполнения, но иногда указ может храниться в строжайшем секрете, и в таком случае он называется просто «заключением».

Хотя старый аристократ из Александрии не мог этого знать, ему удалось убедить высокомерного главу президентской администрации, который, в свою очередь, смог убедить президента. После консультации с одним очень удивленным профессором юриспруденции, специалистом по конституционному законодательству, кокаин был втихомолку переквалифицирован в отравляющее вещество и угрозу национальной безопасности. И, следовательно, ему была объявлена самая настоящая война.

Далеко в открытом море, к западу от побережья Португалии, почти напротив границы с Испанией судно «Бальтазар» держало курс на север, направляясь в Роттердам, порт Европейского союза. Судно было небольшое, водоизмещением всего шесть тысяч тонн; капитан и команда из восьми человек все до одного были контрабандисты. Это преступное занятие было настолько прибыльным, что капитан собирался через два года удалиться на покой в родной Венесуэле состоятельным человеком.

Капитан прослушал прогноз погоды в районе мыса Финистерр, который находился всего в пятидесяти морских милях впереди. Обещалось усиление ветра и волнение в четыре балла, но капитан знал, что испанские рыбаки, с которыми ему предстоит встретиться в открытом море, опытные моряки и не боятся шторма.

Португальский порт Опорту остался далеко позади, а испанский Виго терялся на горизонте далеко на востоке. Капитан приказал своим людям достать четыре больших тюка из третьего трюма, где они лежали с тех самых пор, как были подняты на борт с траулера, ведущего лов креветок, в ста милях от Каракаса.

Капитан Гонкальвес действовал очень осторожно. Он никогда не соглашался входить или выходить из порта с контрабандным грузом, особенно с таким. Груз он принимал на борт только в открытом море и таким же образом с ним расставался. Благодаря подобным предосторожностям капитан Гонкальвес мог попасться только в том случае, если его выдаст осведомитель. Шесть успешных переходов через Атлантику позволили ему купить хороший дом, воспитать двух дочерей и устроить сына Энрике в престижный колледж.

Вскоре после того, как Виго остался позади, появились две испанские рыболовецкие шхуны. Несмотря на волнение, капитан Гонкальвес настоял на полном соблюдении всех невинных на вид, но жизненно важных приветствий. А что если испанским таможенникам удалось внедрить своего человека в банду и теперь они выдавали себя за рыбаков? Разумеется, в этом случае они уже высадились бы с боем на борт «Бальтазара», однако люди, которые сейчас находились в полукабельтове от капитанского мостика, были теми, с кем должен был встретиться Гонкальвес.

Контакт установлен, личности удостоверены, шхуны пристроились в кильватерную струю «Бальтазара». Через несколько минут четыре тюка полетели через гакоборт в воду. В отличие от бочек, сброшенных под Сиэтлом, тюки были предназначены держаться на плаву. Они остались качаться на волнах, а «Бальтазар» продолжил путь на север. Рыбаки подняли тюки на борт, по два на шхуну, и затащили в рыбные трюмы. Сверху тюки были засыпаны десятью тоннами макрели, и шхуны взяли курс домой.

Они были из небольшого рыбацкого поселка Мурос из провинции Галисия. Когда шхуны прошли в темноте мимо мола на внутренний рейд, они уже снова были «чистыми». Другие люди вытащили тюки из воды на берег, где ждал трактор с прицепом. Никакое другое транспортное средство не смогло бы пройти по мокрому песку. Из прицепа четыре тюка

перекочевали в грузовик с крытым кузовом с рекламой креветок в чесночном соусе, направляющийся в Мадрид.

Человек из мадридской банды расплатился со всеми наличными, затем отправился на причал улаживать дела с рыбаками. Еще десять тонн чистого колумбийского кокаина попали в Европу.

После телефонного звонка главы президентской администрации специальный курьер доставил все необходимые бумаги. Доверительные письма наделяли Поля Деверо такими полномочиями, каких уже многие десятилетия не имел никто, кроме самого хозяина Овального кабинета. Деньги должны были быть переведены позднее, когда Деверо решит, где именно нужно будет разместить два миллиарда долларов.

Первым делом Деверо разыскал номер телефона, который хранил уже много лет, но ни разу не пользовался. И вот теперь он им воспользовался. Звонок раздался в маленьком доме в тихом переулке скромного городка Пеннингтон, штат Нью-Джерси. Полю повезло. Трубку сняли после третьего звонка.

– Мистер Декстер?

– Кто им интересуется?

– Голос из прошлого. Меня зовут Поль Деверо. Полагаю, вы помните мое имя.

Последовало долгое молчание, как будто человека на противоположном конце ударили в солнечное сплетение.

– Мистер Декстер, вы меня слушаете?

– Да, слушаю. И имя я помню хорошо. Откуда у вас этот номер?

– Неважно. Вы также должны помнить, что конфиденциальная информация в нашем ремесле главный товар.

Человек из Нью-Джерси прекрасно это помнил. Десять лет назад он был самым успешным в Соединенных Штатах наемным убийцей. Случайно он перешел дорогу бостонскому аристократу, работавшему в штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли, штат Виргиния, и Деверо попытался его устранить.

Эти двое были непохожи друг на друга, словно мел и сыр. Кэл Декстер, жилистый, светловолосый, улыбающийся адвокат из Пеннингтона, родился в 1950 году в кишащих тараканами трущобах Ньюарка. Его отец, строитель по профессии, проработал всю Вторую мировую войну и войну в Корее, построив тысячи новых заводов, складов и административных зданий по всему побережью Нью-Джерси.

Однако после окончания войны в Корее работа закончилась. Кэлу было пять лет, когда его мать покинула лишенный любви брачный союз, предоставив воспитывать мальчика отцу. Тот был строгим, скорым на кулаки – единственный закон у простых работяг. Но при этом он был человек неплохой, старался жить честно и по средствам и с детства приучал своего маленького сына любить добрую старую республиканскую партию, конституцию и Джо Димаджио⁷.

Через два года Декстер-старший приобрел дом-прицеп, чтобы иметь возможность переезжать туда, где есть работа. Так мальчик и рос, переезжая с одной стройплощадки на другую, посещая ту школу, куда его брали, и снова двигаясь в путь. Это была эпоха Элвиса Пресли, Дела Шэннона, Роя Орбисона⁸ и «Битлз», приехавших из страны, о которой Кэл никогда не слышал. Это была также эпоха Кеннеди, холодной войны и Вьетнама.

Образование Кэла было разбито на такие мелкие куски, что его можно было вообще не принимать во внимание, однако он набрался другой мудрости – мудрости улицы, мудрости

⁷ Димаджио, Джозеф Пол – знаменитый американский бейсболист, трижды признавался лучшим игроком Национальной лиги.

⁸ Шеннон, Дел – американский певец и композитор, исполнитель рок-н-ролла; Орбисон, Рой – американский певец и исполнитель, патриарх музыки кантри.

драки. Как и его мать, он не пошел в рост, остановившись на пяти футах восьми дюймах. Не был он и грузным и мускулистым, как его отец, но в его худом теле обитал внушающий ужас дух, а кулаки у него были убийственными.

К семнадцати годам Кэлу казалось, что его жизнь повторит жизнь отца: копать землю и носить кирпичи на стройке. Если только...

В январе 1968 года ему исполнилось восемнадцать, и как раз в это время Вьетконг начал знаменитое «Новогоднее» наступление. Кэл смотрел телевизор в баре в Кэмдене. Показывали документальный фильм о вербовке. Там упоминалось, что, если новобранец отслужит как надо, армия даст ему образование. На следующий день Кэл пришел на Кэмденский призывной пункт и записался добровольцем.

Старший сержант бесконечно устал. Ему казалось, всю свою жизнь он выслушивает молодых парней, делающих все возможное, чтобы не отправиться во Вьетнам.

– Я хочу записаться добровольцем, – сказал стоящий перед ним подросток.

Старший сержант протянул ему анкету, пристально глядя в глаза, словно хорек, который не хочет упустить кролика. Стараясь говорить ласково, он предложил парню подписать контракт не на два года, а на три.

– Так больше вероятность получить хорошее распределение, – сказал сержант. – Лучше для карьеры. Если подпишешься на три года, может быть, тебя даже не отправят во Вьетнам.

– Но я хочу во Вьетнам, – сказал парень в перепачканных землей джинсах.

Его желание исполнилось. После учебного лагеря, где было отмечено умение Кэла управлять землеройными машинами, его отправили в инженерный батальон Первой пехотной дивизии, стоящей в самом «железном треугольнике»⁹. Там Кэл добровольно вызвался стать «тоннельной крысой» и проникать в пугающую сеть страшных, темных и нередко смертельно опасных подземных ходов.

После двух командировок, успешного выполнения самоубийственных заданий в этих адских дырах, Кэл вернулся в Штаты с целой фуражкой медалей, и Дядя Сэм сдержал свое обещание. Кэл получил возможность учиться в колледже. Он выбрал юриспруденцию и защитил диплом в Фордхэме, штат Нью-Йорк.

У него не было ни связей, ни лоска, ни денег для крупных фирм с Уолл-стрит. Он устроился работать в службу бесплатной юридической помощи, чтобы говорить за тех, кому было суждено судьбой занимать самые нижние слои американской юридической системы. Среди его клиентов было так много латиноамериканцев, что он выучился быстро и свободно говорить по-испански. Скоро Кэл женился; у него родилась дочь, которую он обожал.

Возможно, Кэл бы провел всю свою жизнь, защищая интересы отчаявшихся, но когда ему было за сорок, его дочь-подростка похитили, вынудили заняться проституцией, после чего ее зверски убил сутенер. Кэлу пришлось опознавать ее изуродованное тело на пляже в Виргинии. Эта трагедия воскресила «тоннельную крысу», убийцу, привыкшего работать в одиночку.

Вспомнив былые навыки, Кэл выследил двух сутенеров, причастных к смерти своей дочери, и расстрелял их вместе с телохранителями на тротуаре в Панама-Сити. Вернувшись в Нью-Йорк, он узнал, что его жена наложила на себя руки.

Кэл Декстер перестал выступать в суде и вроде отошел от дел, занявшись частной практикой в маленьком городке Пеннингтон в штате Нью-Джерси. На самом деле он начал свою третью карьеру. Кэл стал наемным убийцей, однако в отличие от большинства собратьев по

⁹ «Железный треугольник» – условный район приблизительно в 40 км к северо-западу от Сайгона, где еще во времена французского колониального владычества повстанцы начали рыть подземные тоннели. Всего, по различным оценкам, их было прорыто от 75 до 250 км; прятавшиеся в них южновьетнамские партизаны наносили боевые удары по Сайгону.

ремеслу он работал практически исключительно за границей. Кэл Декстер специализировался на том, чтобы отслеживать, ловить и должным образом возвращать в Соединенные Штаты тех, кто совершил тяжкие преступления и считал, что все сошло им с рук, поскольку им удалось найти убежище в стране, с которой у Америки нет соглашения о выдаче преступников. Кэл крайне осторожно рекламировал свои услуги, прикрываясь псевдонимом «Мститель».

В 2001 году один канадский миллиардер пригласил Кэла разыскать сербского садиста-наемника, который зверски убил его внука, работавшего в гуманитарной организации где-то в Боснии. Но Декстер не мог знать, что некий Поль Деверо использует этого наемника Зорана Жилича, ставшего торговцем оружием, как наживку, рассчитывая заманить Усаму бен Ладена на встречу, в ходе которой крылатая ракета сотрет его с лица земли.

Однако Декстер дошел до цели первым. Он обнаружил Жилича спрятавшимся в одной грязной южно-американской стране, изнывающей под гнетом диктатуры, проник туда, похитил убийцу под дулом пистолета и переправил его в Ки-Уэст, штат Флорида, на своем личном самолете. Деверо, обнаружив, что два года напряженных трудов пошли прахом, попытался устранить излишне прыткого наемного убийцу. Но вскоре все это потеряло смысл: после событий 11 сентября бен Ладен больше не посещал никакие встречи за пределами своих пещер.

Декстер снова исчез в облике скромного безобидного юриста из Пеннингтона. Затем Деверо вышел в отставку. Тогда у него появилось свободное время, и он воспользовался им, чтобы выследить наемного убийцу, который называл себя просто Мстителем.

Теперь они оба уже отошли от дел: бывшая «тоннельная крыса», сын работяги, поднявшийся из низов, и аристократ-виртуоз из Бостона. Посмотрев на телефонную трубку, Декстер сказал:

– Что вам нужно, мистер Деверо?

– Меня снова призвали на службу, мистер Декстер. Это сделал лично верховный главнокомандующий. Есть одна задача, которую нужно выполнить. Это имеет отношение к безопасности нашей страны. Президент поручил дело мне. Мне нужен первый помощник, правая рука. Я буду вам очень признателен, если вы обдумаете предложение занять эту должность.

Декстер отметил язык. Никаких «я хочу» или «я предлагаю», но «я буду вам очень признателен».

– Мне нужно будет узнать об этом больше. Гораздо больше.

– Разумеется. Если вы сможете приехать ко мне в Вашингтон, я с радостью объясню вам почти все.

Декстер, стоя перед окном своего скромного дома в Пеннингтоне и глядя на опавшую листву, думал над тем, что сказал ему Деверо. Ему уже шел шестьдесят первый год. Он держал себя в форме и, несмотря на несколько очень прозрачных намеков, так больше и не женился. В целом его жизнь была уютной, свободной от стрессов, спокойной, безмятежной. И скучной.

– Я приеду и выслушаю вас, мистер Деверо. Только выслушаю. После чего приму решение.

– Очень мудро, мистер Декстер. Вот мой адрес в Александрии. Я могу ждать вас завтра?

Деверо продиктовал адрес, однако прежде, чем он положил трубку, Кэл Декстер задал ему один вопрос:

– Памятуя о нашем общем прошлом, почему вы выбрали именно меня?

– Очень просто. Вы единственный, кому удалось когда-либо меня обойти.

Часть 2 Засада

Глава 03

По соображениям безопасности руководство «Эрмандада», картеля, контролирующего всю кокаиновую индустрию, крайне редко собиралось на общие собрания. Несколько лет назад все было гораздо проще.

Все изменилось с приходом на пост президента Колумбии Альваро Урибе, решительно настроенного против наркотиков. Его правление началось с кардинальной чистки полицейских сил страны. Во главе отдела по борьбе с наркотиками встал генерал Фелипе Кальдерон, а его заместителем по вопросам разведки был назначен полковник Дос-Сантос.

Оба этих человека доказали, что, даже получая одно только жалование полицейского, можно оставаться кристально честным и не брать взяток. Картель не привык к такому и совершил несколько серьезных ошибок, потеряв ключевых руководителей, прежде чем урок был усвоен. После чего началась беспощадная война. Но Колумбия – страна большая, в ней миллионы гектаров джунглей, где легко спрятаться.

Единоличным главой Братства был дон Диего Эстебан. В отличие от предыдущего кокаинового барона Пабло Эскобара, дон Диего не был психопатом-головорезом, поднявшимся из трущоб. Он принадлежал к старинной землевладельческой аристократии: образованный, учтивый, любезный, потомок длинной череды истинных идалго, в чьих жилах текла чистая испанская кровь. И его всегда называли просто «доном».

Это он в мире убийц за счет силы своей личности спаял разрозненных кокаиновых князьков в единый синдикат, в высшей степени успешный, управляемый как современная корпорация. Два года назад последний из тех, кто выступал против объединения, был отправлен в наручниках в Соединенные Штаты, чтобы больше никогда не вернуться назад. Это был Диего Монтойя, глава картеля Северной долины, мнивший себя наследником кокаиновых баронов Кали и Медельина.

Никто так и не смог выяснить, чей телефонный звонок полковнику Дос-Сантосу привел к успешному рейду против Монтойи, но после того, как бывшего главу картеля Северной долины показали по центральному телевидению, скованного по рукам и ногам, больше уже никто не выступал против дона Диего.

Колумбия разрезана с северо-востока на юго-запад двумя высокими горными хребтами, между которыми раскинулась долина реки Магдалена. Все реки к западу от Западного хребта текут в Тихий океан или в Карибское море; вся вода к востоку от Восточного хребта впадает в Ориноко или Амазонку. Эта страна пятидесяти рек на востоке представляет собой огромную равнину, усеянную поместьями размером с целые округа. У дона Диего было по крайней мере пять поместий, принадлежность которых можно было отследить, и еще десять, установить истинного хозяина которых было нельзя. В каждом было по несколько грунтовых аэродромов.

Осенью 2010 года встреча состоялась на ранчо де ла Кукарача неподалеку от Сан-Хосе. Остальные семь членов совета были вызваны личным эмиссаром и прибыли по воздуху, предварительно отправив пару десятков двойников. Даже несмотря на то что сотовые телефоны, которые использовались всего один раз, после чего выбрасывались, считались абсолютно надежным средством связи, дон Диего предпочитал рассылать сообщения через

горстку лично отобранных курьеров. Его называли консерватором, однако его еще ни разу не ловили и не прослушивали.

В то ясное осеннее утро дон Диего лично встретил свою команду в дверях роскошного особняка, в котором он, вероятно, ночевал не больше десяти раз в год, но который тем не менее находился в постоянной готовности принять хозяина.

Особняк был выстроен в испанском стиле, прохладный летом, с журчащими фонтанами во внутреннем дворе и официантами в белых смокингах, снующими с подносами, заставленными бокалами с напитками.

Первым приземлился самолет Эмилио Санчеса. Подобно всем остальным главам отделений, он решал только одну задачу: сферой его деятельности было производство. Санчес имел дело с десятками тысяч нищих крестьян-кокалеро, выращивающих кустарник коки в Колумбии, Боливии и Перу. Он покупал у них пасту, проверял ее качество, расплачивался с ними и доставлял тонны чистого кокаина, упакованного и увязанного в тюки, к дверям лабораторий.

Все это требовало постоянной защиты не только от сил правопорядка, но и от бандитов всех мастей, живущих в джунглях, готовых украсть товар и попытаться перепродать его обратно. Частной армией командовал Родриго Перес, в прошлом террорист ФАРК¹⁰. При его содействии эта революционная группировка марксистского толка, когда-то наводившая ужас, была прижата к ногтю и теперь работала на Братство.

Прибыль кокаиновой индустрии была просто астрономической, и огромный поток притекающих денег представлял собой проблему, решить которую можно было только превращением «грязных» долларов в «чистые». После чего деньги можно было вкладывать в тысячи легальных компаний по всему миру, но только после вычета накладных расходов и взноса в личное состояние дона Диего, исчислявшееся сотнями миллионов.

Отмыванием денег занимались в основном нечистые на руку банки, многие из которых являли миру респектабельное лицо, а преступный бизнес использовали в качестве инструмента дополнительного заработка.

Человек, обязанностью которого было отмывание денег, был так же далек от образа простого головореза, как сам дон. Он был юристом, специалистом по финансовому и банковскому законодательству. У него была престижная практика в Боготе, и если у полковника Дос-Сантоса и имелись какие-то подозрения на его счет, дальше этого дело никогда не шло. Сеньор Хулио Лус прилетел третьим, и дон Диего радушно встретил его. Как раз в этот момент со стороны аэродрома приехал четвертый джип.

Хосе-Марии Ларго не было равных в продвижении товара на рынок. Его полем деятельности был мир, употребляющий кокаин, и сотни банд и преступных группировок, клиентов «Эрмандада», покупавших у него белый порошок. Именно Ларго заключал сделки с оптовыми покупателями, разбросанными по Мексике, Соединенным Штатам и Европе. Он один оценивал кредитоспособность как давно существующих преступных группировок, так и постоянного потока новичков, приходящих на смену тем, кого схватили и посадили за решетку. В свое время Хосе-Мария выдвинул идею предоставить монополию на поставку кокаина в Европу зловещей «Ндрангете», итальянской мафии с центром в Калабрии, области на мыске «сапога», зажатой между неаполитанской «Каморрой» и сицилийской «козанострой».

Вместе с ним в одном джипе, поскольку их самолеты приземлились практически одновременно, приехал Роберто Карденас, коренастый, покрытый шрамами бывший уличный боец из Картахены. Таможня и полиция в сотнях морских портов и аэропортов перехватывали

¹⁰ Революционные вооруженные силы Колумбии – армия народа (ФАРК) – леворадикальная повстанческая группировка в Колумбии.

вали бы груз кокаина в пять раз чаще, если бы не «помощь» подкупленных чиновников. Этот вопрос был очень важным, и им занимался Карденас, начиная от вербовки и кончая выплатами.

Последних двух участников совещания задержали непогода и расстояние. Уже должны были подавать обед, когда с извинениями появился Альфредо Суарес. Хоть он и опоздал, дон Диего встретил его с неизменным радушием, тепло поблагодарив подчиненного за согласие приехать, как будто у того был выбор.

Суарес и его мастерство были незаменимы для общего дела. Его специальностью была транспортировка. Обеспечить безопасный и надежный транзит всего кокаина вплоть до последнего грамма от лаборатории до места передачи за границей – вот в чем заключалась его задача. Под началом Суареса находились все до одного курьеры, все «ишаки», все корабли, большие сухогрузы и личные яхты, все самолеты, большие и маленькие, и все подводные лодки, вместе с экипажами и обслуживающим персоналом.

На протяжении многих лет шел спор, какая из двух стратегий лучше: переправлять кокаин маленькими партиями, но тысячами курьеров-одиночек или посылать огромные партии, но значительно меньшим числом.

Одни считали, что Картелю следует затопить оборонительные порядки двух континентов тысячами «ишаков», никчемных, ничего не знающих, перевозящих всего по несколько килограммов в чемоданах или всего по одному килограмму в желудке, проглоченному в маленьких полиэтиленовых пакетиках. Разумеется, кто-то будет попадаться, но многим удастся пройти. Одним своим числом они сметут оборонительные порядки. Так было в теории.

Суарес выступал за альтернативный подход. На каждый континент требовалось переправлять по триста тонн, при этом Суарес проводил примерно сто операций в Соединенных Штатах и столько же в Европе. Партии были от одной до десяти тонн, что оправдывало вложение крупных средств и доскональное планирование. И если впоследствии получатели, забрав товар и расплатившись за него, хотели разбивать груз на крошечные партии, это было уже их дело.

Зато уж если провалы случались, то случались по-крупному. Два года назад британский фрегат «Айрон дьюк», патрулирующий Карибское море, перехватил сухогруз и конфисковал пять с половиной тонн чистого кокаина. Стоимость товара составляла четыреста миллионов долларов, и это была не розничная стоимость, потому что кокаин еще не был разбавлен в соотношении один к шести.

Суарес заметно нервничал. На совещании предстояло обсудить еще одну потерю крупной партии товара. Катер американской береговой охраны захватил две тонны кокаина на рыбацкой шхуне, которая пыталась проскользнуть в уединенную бухту неподалеку от города Корпус-Кристи, штат Техас. Суарес понимал, что ему придется защищать свою стратегию всеми возможными способами.

Единственным, кого дон Диего держал на некотором расстоянии, был седьмой гость, коротышка Пако Вальдес. Если его внешность и казалась кому-то нелепой, никто не смеялся. Ни здесь, ни где бы то ни было, никогда.

Даже в штиблетах на каблуке он едва дотягивал до пяти футов трех дюймов. При этом у него была непропорционально большая голова и, как это ни странно, детские черты лица, с гладкими черными волосами на макушке и поджатыми губками. Лишь пустые глаза выдавали садиста-психопата, кроющегося в этом маленьком теле.

Дон приветствовал Вальдеса учтивым кивком и тонкой улыбкой. Он не подал ему руку. Дон Диего знал, что человек, которого в преступном мире окрестили «Животным», однажды рукой вытащил у еще живого человека внутренности и бросил их на раскаленную сковороду.

Он не был уверен, что Вальдес с тех пор мыл руки, а он был очень разборчивым. Но если шепнуть в ухо-пуговку фамилию, Животное сделает все, что нужно.

Еда была изысканная, вина были марочные, разговор велся напряженный. Альфредо Суарес защитил свои ворота. Его стратегия больших партий упрощала продвижение товара на рынок, «ублажение» иностранных чиновников и отмывание денег. Эти три аргумента решили дело. Суарес покинул поместье живым. Вальдес был разочарован.

В эти выходные британский премьер-министр провел совещание со «своими людьми», и снова в Чекерсе. Доклад Берригана был роздан всем присутствующим и прочитан в полной тишине. Затем наступил черед более краткого документа, составленного Коброй, с описанием его требований. Наконец настало время высказать мнения.

За круглым столом в изящном обеденном зале, который также использовался для совещаний, сидел секретарь кабинета, глава Министерства по делам государственной службы, мимо которого не могла пройти ни одна крупная инициатива. Рядом с ним сидел шеф Службы тайной разведки, не совсем точно именуемой в средствах массовой информации МИ-6, которую сами сотрудники называли просто «Канторой».

После ухода в отставку сэра Джона Скарлетта, известного советолога, простое слово «Шеф» (ни в коем случае не «генеральный директор») перешло к арабисту, свободно владеющему арабским и пуштунским языками, проводшему много лет на Ближнем Востоке и в Средней Азии.

И еще присутствовали трое представителей от вооруженных сил. Это были начальник штаба обороны, который затем в случае необходимости вкратце проинформирует начальника генерального штаба (сухопутные войска), начальника штаба военно-воздушных сил и первого морского лорда. Остальными двумя были начальник военных операций и начальник сил специального назначения. Все присутствующие знали, что трое военных в свое время служили в войсках специального назначения. Молодой премьер-министр, старше их по должности, но младше по возрасту, рассудил, что если эти трое плюс Шеф не найдут, чем возразить на предложения иностранца, этого не сможет сделать никто.

Прислуживали в Чекерсе неизменно представители Королевских ВВС. После того как сержант авиации подал кофе и удалился, началось обсуждение. Секретарь кабинета указал на возможные юридические последствия.

– Если этот человек, этот так называемый Кобра хочет... – он остановился, подбирая подходящее слово, – развернуть кампанию против торговли кокаином, в которую уже замешаны многие государства, есть опасность того, что он попросит нас нарушить международный закон.

– Насколько я понимаю, американцы уже готовы на это пойти, – сказал премьер-министр. – Они собираются перекалificarовать кокаин из наркотика класса А в вещество, представляющее угрозу национальной безопасности. То есть сам Картель и все контрабандисты автоматически попадут в категорию террористов.

– А мы не можем последовать примеру американцев? – спросил начальник штаба обороны.

– Нам придется, – ответил секретарь кабинета. – И сделать это будет достаточно просто. Для этого потребуется статусное право, а не новый закон. Все очень тихо. Только об этом не должны проводить средства массовой информации. И охотники за сенсациями.

– Вот почему круг посвященных должен быть как можно меньше, – сказал Шеф. – Но даже в этом случае любую операцию нужно будет чертовски хорошо прикрывать.

– В свое время мы проводили тайные операции против Ирландской республиканской армии, – вмешался начальник сил специального назначения, – а в последнее время против «Аль-Каиды». И на поверхности была видна лишь верхушка айсберга.

– Господин премьер-министр, что именно хотят от нас наши кузены? – спросил начальник штаба обороны.

– Насколько я понял со слов президента, разведывательную информацию и опыт ведения тайных операций, – ответил премьер-министр.

Обсуждение шло своим чередом; вопросов было много, но ответов мало.

– Господин премьер-министр, а что вы хотите от нас? – Этот вопрос задал начальник штаба обороны.

– Ваш совет, джентльмены. Осуществимо ли это и следует ли нам принять участие?

Трое военных кивнули первыми. Затем начальник секретной службы. И, наконец, секретарь кабинета. Лично он терпеть не мог подобное. Если случится катастрофа...

Позднее, после того как премьер-министр, известив Вашингтон, предложил своим гостям на обед жаркое, пришел ответ из Белого дома. В нем говорилось: «Рады видеть вас на борту». Также была отправлена в Вашингтон просьба прислать в Лондон эмиссара. На первом этапе помощь нужна будет только в виде совета, ничего больше. Вместе с ответом пришла фотография. После обеда этой фотографией вместе с портвейном обнесли присутствующих.

На ней было лицо бывшей «тоннельной крысы» по имени Кэл Декстер.

Пока одни совещались в диких джунглях Колумбии, а другие – в ухоженных садах Букенгемшира, человек под кодовым именем Кобра напряженно работал в Вашингтоне. Как и начальник Службы тайной разведки за океаном, он в первую очередь был озабочен подходящей «легендой».

Поль Деверо основал благотворительный фонд помощи беженцам из стран третьего мира и оформил на него долгосрочную аренду убогого, неприметного склада в Анакостии, в нескольких кварталах от Форт-Макнэра. На последнем этаже находились административные помещения, а на нижних этажах хранились подержанные одеяла, одежда, палатки, обувь, брезент.

На самом деле административная работа в обычном смысле этого слова здесь почти не велась. Поль Деверо много лет отчаянно боролся с тем, чтобы ЦРУ из компактного, эффективного разведывательного ведомства превратилось в неповоротливую бюрократическую машину. Он терпеть не мог бюрократию, однако на самом деле ему был нужен центр связи, не имеющий себе равных, и он такой центр получил.

После Кэла Декстера следующим завербованным стал Джереми Бишоп, тоже вышедший в отставку, как и сам Деверо, но еще совсем недавно один из самых блестящих специалистов по компьютерам и связи в Форт-Миде, штат Мэриленд, где находится штаб-квартира Агентства национальной безопасности, огромный комплекс всевозможных устройств прослушивания, известный как «Дворец загадок».

Бишоп занялся созданием коммуникационного центра, в который в соответствии с указом президента должна была стекаться вся до последней крупинки информация о Колумбии и кокаине, добытая тринадцатью разведывательными ведомствами. Для этого потребовалась другая «легенда». Разведывательным ведомствам было сообщено, что Овальный кабинет распорядился подготовить общий доклад о борьбе с торговлей кокаином, объединяющий материалы докладов всех отдельных структур, и они обязаны оказать всестороннее содействие. Ведомства поворчали, но вынуждены были смириться. Новый «мозговой центр». Еще один доклад в двадцати томах, который никто никогда не прочитает. Что тут было нового?

И еще был вопрос денег. Еще работая в ЦРУ, в отделе, изучающем Советский Союз и страны Восточной Европы, Деверо познакомился с Бенедиктом Форбсом, бывшим банкиром с Уолл-стрит, которого пригласили в «контору» ради одной-единственной операции. Однако Форбс нашел новую работу более захватывающей, чем предостерегать простых вкладчиков

о Берни Мейдоффе¹¹, и остался. Это было еще в годы холодной войны. К настоящему времени Форбс тоже уже вышел в отставку, но он ничего не забыл.

Его специальностью были тайные банковские счета. Содержать секретных агентов – занятие не из дешевых. Деньги нужны на зарплату, накладные расходы, премии, закупки, взятки. Для этой цели они должны размещаться на таких счетах, чтобы доступ к ним имели как собственные агенты, так и зарубежные «кадры». И в этом заключался гений Форбса. Никто так и не смог проследить его аккуратные «гнезда с яйцами», а КГБ действительно очень старался. Как правило, финансовый след позволяет выйти на предателя.

Форбс начал выкачивать выделенные доллары из ошеломленного Министерства финансов, размещая их там, где их можно было получить при первой необходимости. В компьютерный век тайные хранилища можно было устраивать где угодно. Бумажная волокита для отсталых кретинов. Несколько нажатий на клавиатуре компьютера – и человек может удалиться на покой, обеспеченный до конца дней своих, если, конечно, нажимать нужные клавиши.

Устроив штаб, Деверо отправил Кэла Декстера за океан с первым поручением.

– Мне нужно, чтобы ты отправился в Лондон и купил два корабля, – сказал он. – Похоже, англичане присоединятся к нам. Воспользуемся же этим. Они в этом сильны. Будет основана подставная компания. Она получит средства. Эта компания и станет номинальным покупателем кораблей. После чего она исчезнет.

– Какие именно корабли нужны? – спросил Декстер.

Кобра протянул листок бумаги, который лично отпечатал на машинке.

– Запомни и сожги. Пусть англичане помогут тебе советом. На этой бумаге есть имя и личный номер телефона человека, с которым надо будет связаться. Ничего не доверяй бумаге и, разумеется, тем более компьютеру или сотовому телефону. Держи все в голове. Это единственное неприкосновенное, что у нас осталось.

Хотя Декстер не мог этого знать, телефон, по которому он должен был позвонить, зазвонил бы в большом здании из песчаника на берегу Темзы в местечке, известном как Воксхолл-Кросс. Обитатели здания так его никогда не называли – только «кабинет». Это была штаб-квартира британской Службы тайной разведки.

На листе бумаги, который нужно было сжечь, была написана фамилия Медликотт. На самом деле на звонок ответит заместитель главы тайной разведки, чья фамилия была вовсе не Медликотт. Однако использование этого кодового слова сообщит «Медликотту», с кем он разговаривает: с янки по фамилии Декстер.

И «Медликотт» предложит Декстеру вместе навестить в одном элитном клубе на Сент-Джеймс-стрит некоего Кранфорда, чья настоящая фамилия не Кранфорд. Там они отобедуют втроем, и как раз третий человек и будет знать все о кораблях.

Эта запутанная процедура родилась в ходе утреннего совещания в «кабинете», состоявшегося за два дня до этого. Закрывая совещание, глава тайной разведки заметил:

– Да, кстати, через пару дней к нам приезжает один американец. Премьер-министр попросил ему помочь. Этот янки хочет купить корабли. Скрытно. Есть у нас кто#нибудь, кто что#то смыслит в кораблях?

Все задумались.

– Есть у меня один знакомый, он председатель правления главной брокерской фирмы агентства «Ллойдс» в Сити, – наконец сказал начальник отдела западного полушария.

– Насколько хорошо вы с ним знакомы?

– Я как#то сломал ему нос.

¹¹ Мейдофф, Бернанд – американский бизнесмен, финансист, в декабре 2008 года обвинен в создании крупнейшей в истории финансовой пирамиды.

- Как правило, это говорит о достаточно близком знакомстве. Он вывел вас из себя?
- Нет. Мы с ним играли в «стенку».

Последовала небольшая пауза. Эта фраза означала, что оба человека учились в сверх-закрытой престижной школе Итон, единственном месте, где играют в странную игру под названием «стенка».

– Что ж, пригласите янки на обед вместе с вашим другом, разбирающимся в кораблях, и посмотрите, сможет ли тот помочь скрытно купить то, что нужно. Возможно, он получит за это щедрые комиссионные. Компенсацию за сломанный нос.

Совещание закончилось. В назначенный срок позвонил Декстер из своего номера в скромной гостинице «Монкальм». «Медликотт» передал американца своему коллеге «Кранфорду»; тот записал номер телефона и сказал, что перезвонит. И он перезвонил, через час, чтобы договориться отобедать на следующий день вместе с сэром Эбхеем Вармой в клубе «Брукс».

– И, боюсь, потребуется костюм и галстук, – добавил «Кранфорд».

– Ничего страшного, – ответил Декстер. – Кажется, я еще не забыл, как завязывать галстук.

«Брукс» – довольно небольшой клуб на западной стороне Сент-Джеймс-стрит. Как и на всех остальных клубах, на нем нет таблички с названием. Мудрость подобного подхода заключается в том, что если вы член или приглашены в гости, вы знаете, где клуб, а в противном случае это все равно не имеет значения. Однако «Брукс» обычно узнают по горшкам с декоративными кустами по обе стороны от входа. Подобно всем клубам Сент-Джеймс-стрит, у «Брукса» есть свои завсегдатаи: как правило, это государственные служащие высшего звена и изредка сотрудники разведывательных ведомств.

Как выяснилось, Эбхей Варма являлся председателем совета правления крупной брокерской компании «Стейплхерст», специализирующейся на судоходстве и расположенной в средневековом квартале неподалеку от Олдгейта. Как и «Кранфорду», ему было пятьдесят пять лет; он был невысокий, полный и жизнерадостный. Но до того как Варма потолстел на многочисленных ужинах Сити, он прекрасно играл в сквош.

По обычаю, за столом разговор велся ни о чем – погода, урожай, как прошел перелет через Атлантику; затем они перешли в библиотеку, наслаждаться кофе и портвейном. Здесь, где никто не мог их слышать, они смогли расслабиться под пристальными взглядами портретов кисти мастеров позапрошлого века и поговорить о деле.

– Мне нужно купить два корабля. Очень тихо, не привлекая к себе внимания; сделка должна быть совершена от имени подставной компании в каком-нибудь налоговом раю.

Сэр Эбхей нисколько не удивился. Подобное происходило сплошь и рядом. Разумеется, из-за налогов.

– Какие именно корабли нужны? – спросил он.

Он даже не думал спрашивать, чьи интересы представляет американец. За него поручился «Кранфорд», и этого было достаточно. В конце концов, они вместе учились в школе.

– Не знаю, – ответил Декстер.

– Очень щекотливый вопрос, – сказал сэр Эбхей. – Я хочу сказать, раз вы не знаете. Корабли бывают самых разных размеров и назначений.

– В таком случае, сэр, позвольте быть с вами откровенным. Я хочу отвести эти корабли на какую-нибудь укромную верфь и там переоборудовать.

– А, полная переделка. Никаких проблем. Во что они должны превратиться в конечном счете?

– Сэр Эбхей, надеюсь, это останется между нами?

Брокер бросил взгляд на разведчика, словно спрашивая, за кого нас принимает этот парень?

– То, что говорится в «Бруксе», в «Бруксе» и остается, – пробормотал «Кранфорд».

– Что ж, эти корабли должны превратиться в плавучие базы «морских котиков»¹² ВМФ Соединенных Штатов. Безобидные на вид, совершенно небезобидные внутри.

Сэр Эбхей Варма просиял.

– Ага, крутые штучки, да? Что ж, это хоть как-то проясняет дело. Полное переоснащение. Я бы не советовал вам связываться с какими бы то ни было танкерами. Не та форма корпуса, невозможно полностью очистить и слишком много труб. То же самое с рудовозами. Форма корпуса та, что надо, но они, как правило, огромные, гораздо больше, чем вам нужно. Я бы остановился на сухогрузе, на зерновозе – эти корабли можно переоборудовать в соответствии с требованиями владельца. Чистые, сухие, легко переоснастить, на палубе люки, чтобы быстро загружать и выгружать ваших ребят.

– Вы поможете мне купить два таких корабля?

– Только не «Стейплхерст», мы занимаемся страховкой, но, разумеется, в нашем деле мы знаем всех и вся, по всему миру. Я сведу вас с нашим управляющим директором Полом Эгейтом. Молодой, но очень толковый.

Встав, сэр Эбхей протянул свою визитную карточку.

– Загляните ко мне завтра. Пол тотчас же с вами встретится. Лучшего совета вы не получите во всем Сити. Причем совершенно бесплатного. Спасибо за обед, Барри. Передай шефу огромный привет.

Они спустились вниз, вышли на улицу и расстались.

Хуан Кортес завершил работу и выбрался из чрева грузового судна водоизмещением четыре тысячи тонн, где он творил свое волшебство. После темноты нижнего трюма осеннее солнце показалось ему ослепительным. Настолько ярким, что Кортесу захотелось снова надеть свою маску сварщика. Но он ограничился темными очками, давая зрачкам привыкнуть к свету.

Его грязный комбинезон, промокший от пота, лип к обнаженному телу. Под ним на Кортесе были надеты одни только трусы. Жара внизу стояла свирепая.

Необходимости ждать не было. Те, кто заказал работу, придут утром. Кортес покажет им, что он сделал и как работает потайная дверь. Обнаружить полость под внутренней обшивкой корпуса было практически невозможно. Кортесу щедро заплатят. Ему не было дела до того, какую контрабанду будут перевозить в тайном отсеке, который он смастерил, а если глупые гринго любят засовывать белый порошок себе в нос, до этого ему тоже нет никакого дела.

Его дело заключалось в том, чтобы одевать свою верную жену Ирину, добывать хлеб на стол и учебники в портфель сына Педро. Кортес убрал свой инструмент в шкафчик и прошел к своей машине, скромному «Форду Пинто». В опрятном бунгало, большой гордости для рабочего человека, расположенном в чистом частном жилом районе у подножия холма, его ждали долгий, ласковый душ, поцелуй Ирины, объятия Педро, сытная трапеза и несколько бутылок пива перед плазменным телевизором. Кортес, счастливый человек, лучший сварщик в Картахене, поехал домой.

Кэл Декстер знал Лондон, но не слишком хорошо, а с оживленным деловым районом, который назывался просто Сити, или Квадратная миля, он вообще не был знаком. Но черное такси, которым управлял истинный кокни, родившийся и выросший в миле к востоку от Олдгейта, без проблем довезло его до нужного места. Декстера высадили без пяти одиннадцать у дверей страховой компании, расположенной в узком переулке, ведущем к мона-

¹² «Морские котики» – подразделения сил специального назначения ВМС США, предназначенные для ведения разведки и диверсионных действий на морском и речном побережье и в портах.

стырю, чье прошлое уходило корнями во времена Шекспира. Улыбающаяся секретарша проводила его на второй этаж.

Пол Эгейт занимал маленький кабинет, заполненный стеллажами; стены украшали фотографии грузовых судов в рамках. Трудно было представить, что в этой каморке заключаются страховые сделки стоимостью миллионы фунтов. Лишь новенький компьютерный монитор говорил о том, что отсюда совсем недавно не вышел Чарльз Диккенс.

Впоследствии Декстер узнал, насколько обманчив деловой центр Лондона, насчитывающий много веков, где каждый день одних только комиссионных выплачивается десятки миллиардов. Эгейту было около сорока; он встретил гостя в рубашке с коротким рукавом, без галстука, радушный и дружелюбный. Сэр Эбхей вкратце рассказал ему суть дела, не вдаваясь в подробности. Он сказал, что американец представляет новую компанию, которая хочет приобрести два сухогруза, предпочтительно зерновоза, которые можно будет переоснастить под требования заказчика. Для какой именно цели будут использоваться корабли, сэр Эбхей не уточнил. Эгейту не нужно было это знать. Компания «Стейплхерст» должна была помочь американцу советом и свести его с кем нужно в мире кораблей. Американец приходился другом другу сэра Эбхея. Комиссионных с него не возьмут.

– Сухогрузы? – спросил Эгейт. – Бывшие зерновозы. Вы пришли на рынок как раз вовремя. При нынешнем состоянии мировой экономики лишнего тоннажа сейчас достаточно. Кто-то в море, большинство на приколе. Но вам будет нужен брокер, чтобы вас не ободрали как липку. У вас есть кто-нибудь на примете?

– Нет, – признался Декстер. – Кого вы бы посоветовали?

– Ну, наш мир довольно тесен, и все мы знаем друг друга. В пределах полумили отсюда конторы Кларксона, Бремара-Сископа, Гэлбрейта и Гибсона. Все они занимаются продажей, покупкой, чартером. За определенное вознаграждение, разумеется.

– Разумеется.

В зашифрованном сообщении, полученном Декстером из Вашингтона, сообщалось о новом счете, открытом в банке на острове Гернси, укрывавшем налоговый рай, который уже долгое время безуспешно пытался прикрыть Европейский союз. Там также было имя банковского работника, с которым нужно было связаться, и кодовое число, необходимое для получения доступа к средствам.

– С другой стороны, хороший брокер, пожалуй, сэкономит покупателю гораздо больше денег, чем возьмет в качестве гонорара. У меня есть хороший друг в компании «Парксайд». Он позаботится о том, чтобы у вас все сложилось наилучшим образом. Позвонить ему?

– Будьте добры.

Эгейт разговаривал по телефону пять минут.

– Этого человека зовут Саймон Линли, – сказал он, записывая на листке адрес. – Это всего в пятистах ярдах. Выйдите и сразу поверните налево. На Олдгейт снова налево. Идете прямо пять минут, затем спрашиваете Джапитер-Хаус. Вам любой скажет. Удачи.

Допив кофе, Декстер пожал Полу Эгейту руку и вышел. Указания были как нельзя лучше. Через пятнадцать минут Декстер был на месте. Джапитер-Хаус являл собой полную противоположность штаб-квартире «Стейплхерста»: ультрасовременное здание из стали и стекла. Бесшумные скоростные лифты. Компания «Парксайд» располагалась на одиннадцатом этаже. В панорамные окна был виден купол собора Святого Павла, стоящего на возвышенности в двух милях к западу. Линли встретил Декстера у дверей лифта и проводил в маленький зал для совещаний. Тотчас же появились кофе и булочки с имбирем.

– Вы желаете купить два сухогруза, предпочтительно зерновоза? – спросил Линли.

– Не я, мои клиенты, – поправил Декстер. – Они с Ближнего Востока. И хотят сохранить полную конфиденциальность. Отсюда подставная компания, которую я возглавляю.

– Понятно.

Линли несколько не смутился. Ему уже приходилось иметь дело с арабскими бизнесменами, которые надули своего шейха, но при этом не хотят оказаться за решеткой. Подобное происходит сплошь и рядом.

– Каких размеров корабли нужны вашим клиентам?

Декстер ничего не смыслил в водоизмещении, но он знал, что в главном трюме надо будет разместить маленький вертолет с разложенным несущим винтом. Он перечислил размеры.

– Около двадцати тысяч нетто-регистрационных или двадцати восьми тысяч брутто-регистрационных тонн, – сказал Линли.

Он застучал по клавиатуре компьютера. В конце длинного стола ожил большой экран, чтобы было видно обоим. Появились возможные варианты. Фримантл, Австралия. Канал Святого Лаврентия, Канада. Сингапур. Чесапикский залив, США.

– Похоже, самый большой репертуар у КСК, Китайской судоходной компании, штаб-квартира которой находится в Шанхае, но мы имеем дело с гонконгским отделением.

– Коммунисты? – спросил Декстер, которому много приходилось убивать их в «железном треугольнике».

– О, теперь мы об этом больше не беспокоимся, – усмехнулся Линли. – В наши дни это самые беспощадные капиталисты в мире. Но при этом скрупулезно честные. Если они обещают доставить товар, товар будет на месте. И еще есть «Игл балк» в Нью-Йорке. Для вас так ближе к дому. Хотя это не имеет значения. Или имеет?

– Мои клиенты хотят лишь скрыть истинного владельца, – сказал Декстер. – Оба корабля будут отведены в укромную верфь для переоснащения и переоборудования.

Линли подумал: «Шайка мошенников, которые, вероятно, собираются переправлять какой-то очень стремный груз, поэтому они хотят переоборудовать корабли, снабдить их новыми документами и вывести в море неузнаваемыми. И что с того? Ближний Восток кишит такими; времена нынче трудные, а деньги везде деньги». Но вслух он этого не сказал.

А сказал он вот что:

– Конечно. На юге Индии есть очень хорошие верфи, где не задают лишних вопросов. У нас есть на них выход через нашего человека в Мумбае. Если мы будем представлять ваши интересы, мы заключим меморандум о соглашении и вы заплатите нам аванс в счет комиссионных. Я бы вам посоветовал: как только корабли будут приобретены, оформите их на сингапурскую управляющую компанию «Тейм». И с этого момента, получив новые названия, корабли исчезнут. «Тейм» никогда и никому не рассказывает о своих клиентах. Где я смогу вас найти, мистер Декстер?

В сообщении от Деверо также содержались адрес, номер телефона и электронная почта только что купленного конспиративного дома в Фэрфаксе, штат Виргиния, которому предстояло выполнять роль почтового ящика. Творение Деверо, этот дом нигде не значился, проследить его было невозможно, и в случае необходимости всю его деятельность можно было свернуть за шестьдесят секунд. Декстер назвал адрес. Через сорок восемь часов меморандум был подписан и возвращен обратно. Саймон Линли начал охоту. Ему потребовалось два месяца, но еще до конца года два бывших зерновоза были переданы заказчику.

Один пришел из Чесапикского залива, штат Мэриленд, другой стоял на якоре в порту Сингапура. Деверо не собирался сохранять на кораблях команды. С моряками щедро расплатились.

С кораблем, купленным в Америке, все было просто, поскольку он находился рядом с домом. Новая команда из военнослужащих ВМС США, выдающих себя за моряков торгового флота, взяла судно в свои руки, быстро ознакомилась с ним и вывела в Атлантику.

Группа моряков британского королевского ВМФ вылетела в Сингапур, также выдавая себя за моряков торгового флота, приняла корабль и вывела его в Малаккский пролив. Им

предстоял более короткий морской переход. Оба корабля взяли курс на небольшую зловонную верфь на побережье Индии, к югу от Гоа, которая использовалась в основном для утилизации списанных судов. На ней царил преступное пренебрежение нормами безопасности, рабочие подвергались постоянному воздействию ядовитых химических веществ. Смрад на верфи стоял просто невыносимый, вот почему ни у кого не возникало желания посмотреть, что же там происходит.

Когда два корабля Кобры вошли в бухту и бросили якорь, они буквально перестали существовать. По новым документам их новые названия были без лишней огласки внесены в международный судовой реестр Ллойда. Они были записаны как зерновозы, принадлежащие сингапурской компании «Тейм».

Церемония из уважения к пожеланиям страны-донора состоялась в посольстве Соединенных Штатов на улице Абилиу-Маседу в Прае, столице Кабо-Верде, на острове Сантьягу. Вела церемонию со свойственным ей обаянием посол Марианна Майлс. Присутствовали также министры природных ресурсов и обороны Кабо-Верде.

Для большего веса прилетел американский адмирал, которому предстояло подписать соглашение от имени Пентагона. Адмирал не имел ни малейшего понятия о том, что он здесь делает, но два белоснежных парадных мундира, адмирала и его адъютанта, смотрелись очень впечатляюще, как и должно было быть.

Посол Майлс предложила напитки и закуски; все необходимые документы были разложены на столе для совещаний. Еще на церемонии присутствовали военный атташе посольства и представитель Государственного департамента, по имени Кэлвин Декстер.

Первыми поставили свои подписи министры Кабо-Верде, затем адмирал и, наконец, посол. Оба экземпляра были скреплены печатями республики Кабо-Верде и Соединенных Штатов, и соглашение об оказании помощи вступило в силу. С этой минуты можно было приступить к работе.

После того как все дела были сделаны, бокалы наполнились игристым вином для обязательных тостов, и министр природных ресурсов Островов Зеленого Мыса произнес речь по-португальски. Усталому адмиралу казалось, что речь продолжалась бесконечно, он не понял из нее ни одного слова. Поэтому адмирал улыбался, гадая, зачем его забрали с площадки для гольфа под Неаполем и отправили на нищий архипелаг, затерявшийся в просторах Атлантики в трехстах милях от побережья Западной Африки.

Причина этого, попытался объяснить в самолете адмиралу его адъютант, заключалась в том, что Соединенные Штаты, неизменно щедрые по отношению к странам третьего мира, решили помочь республике Кабо-Верде. На островах не было никаких природных ресурсов за исключением одного: море вокруг них кишело рыбой. Военно-морской флот республики состоял из одного-единственного старенького патрульного катера, а военно-воздушные силы вообще отсутствовали.

В связи с повсеместным ростом рыбного браконьерства, учитывая ненасытный аппетит восточных стран к свежей рыбе, территориальные воды Островов Зеленого Мыса в пределах двухсотмильной зоны, по закону принадлежащие республике, подвергались постоянным нападкам браконьеров.

Соединенные Штаты должны были взять в свои руки аэродром на уединенном острове Фогу, взлетно-посадочная полоса которого была как раз только что модернизирована за счет безвозмездной помощи Европейского союза. Там ВМС США собирались создать центр подготовки летчиков, также безвозмездно.

Когда все будет готово, отряд бразильских (потому что государственный язык там тоже португальский) военных инструкторов переместится в центр с дюжиной учебных самолетов «Тукано» и займется созданием службы воздушной охраны рыболовства, обучая специально отобранных курсантов-летчиков Кабо-Верде. Имея в своем распоряжении «Тукано»,

обладающие большой дальностью полета, они смогут патрулировать океан, обнаруживать злоумышленников и наводить на них катер береговой охраны.

Да, задумано все превосходно, соглашался адмирал, хотя он и не мог никак смириться с тем, что его оторвали от гольфа как раз тогда, когда он уже подходил к предпоследней лунке.

Покидая посольство, адмирал предложил человеку из госдепа подвезти его до аэропорта на посольском лимузине.

– Мистер Декстер, хотите, я подброшу вас до Неаполя? – спросил он.

– Вы очень любезны, адмирал, но я возвращаюсь в Лиссабон, затем в Лондон и оттуда в Вашингтон.

Они расстались в аэропорту Праи. Самолет военно-морской авиации с адмиралом на борту вылетел в Италию. Кэл Декстер дождался регулярного рейса до Лиссабона.

Месяц спустя первый огромный вспомогательный корабль ВМФ доставил американских военно-морских инженеров к подножию конуса потухшего вулкана, занимающего девяносто процентов острова Фогу, названного так потому, что по#португальски это слово означает «огонь». Корабль встал на якорь на внешнем рейде, где ему предстояло выполнять функцию плавучей базы для инженеров: маленький кусочек родины со всеми домашними удобствами.

«Морские пчелки»¹³ гордятся тем, что могут выстроить где угодно все что угодно, однако неразумно разлучать их с бифштексами из канзасской говядины, жареной картошкой и галлонными банками кетчупа. Все работает лучше на правильном горючем.

Потребовалось шесть месяцев, но существующий аэродром мог принимать военно-транспортные самолеты «Геркулес», так что со снабжением и отпусками никаких проблем не было. Помимо этого небольшие суда доставляли балки, блоки, цемент и все остальное, необходимое для строительства, а также продовольствие, соки и даже питьевую воду.

Немногочисленные креолы, проживающие на Фогу, с восхищением наблюдали за тем, как муравьиная армия выплеснулась на берег и захватила их маленький аэродром. Раз в день приходил челнок с Сантьягу и уходил, освободив палубу от строительного оборудования.

Когда все работы будут завершены, учебный центр подготовки летчиков получит, в дополнение к уже существующей гостинице для гражданских пассажиров, общежитие для курсантов, коттеджи для инструкторов, ремонтные мастерские, хранилище горючего с керосином для турбовинтовых «Тукано» и центр связи.

Если кто#то из строителей и замечал что#либо странное, то молчал об этом. Также под контролем сотрудника Пентагона по фамилии Декстер, регулярно прилетавшего на гражданском самолете, были возведены и другие сооружения. В скалистом склоне вулкана укрылся просторный ангар со стальными воротами. А также хранилище горючего Джей-пи-5, которое не используют «Тукано», и арсенал.

– Можно подумать, – пробормотал главный старшина О'Коннор, проверяя стальные ворота ангара, спрятанного в скале, – что кто#то собирается вести войну.

¹³ «Морские пчелки» – инженерно-строительные части в составе ВМФ США, занимаются строительством военно-морских баз, аэродромов и т. д.

Глава 04

На площади Боливара, названной в честь великого освободителя, стоят некоторые из самых старых зданий не только в Боготе, но и во всей Южной Америке. Она является центром Старого города.

Здесь побывали конквистадоры, жадные до бога и до золота, которые привели с собой первых католических миссионеров. В 1604 году иезуиты основали на одном углу площади школу Сан-Бартоломе, а неподалеку от нее была воздвигнута церковь Святого Игнатия, в честь основателя ордена Игнатия Лойолы. В противоположном конце стоит оригинальное здание Национального отделения Общества Иисуса.

Несколько лет назад отделение официально переехало в современное здание в новом районе города. Однако глава колумбийских иезуитов отец-наместник Карлос Руис в испепеляющем зное, несмотря на прелести современных систем кондиционирования, по-прежнему предпочитал прохладные каменные стены и плиты старого здания.

Именно здесь одним сырым декабрьским утром он принял своего американского гостя. Сидя за массивным дубовым письменным столом, привезенным много лет назад из Испании и потемневшим от времени, отец Карлос теребил в руках рекомендательное письмо с просьбой согласиться на эту встречу. Письмо пришло от его брата во Христе, директора Бостонского колледжа; отказать было невозможно, но любопытство не является грехом. Что нужно этому человеку?

Молодой послушник проводил Поля Деверо в кабинет главы национального отделения. Отец Карлос встал и прошел навстречу гостю. Тот оказался приблизительно одних с ним лет, библейские трижды по двадцать и десять, поджарый, в элегантной шелковой рубашке, клубном галстуке и кремовом тропическом костюме. Никаких джинсов, никаких волос на шее. Отец Руис мысленно отметил, что ему еще никогда не приходилось встречаться с янки-шпионом, однако письмо из Бостона было очень откровенное.

– Святой отец, мне очень неловко начинать с просьбы, но я должен так поступить. Мы можем рассматривать все, что будет сказано в этом кабинете, попадающим под печать исповеди?

Склонив голову, отец Руис молча указал гостю на кастильское кресло, обтянутое кожей. Сам он вернулся на свое место за письменным столом.

– Чем я могу вам помочь, сын мой?

– Наш президент лично попросил меня помочь уничтожить кокаиновую промышленность, которая причиняет страшные бедствия нашей стране.

Дальше можно было не объяснять, зачем он приехал в Колумбию. Словом «кокаин» было сказано все.

– Такие попытки уже предпринимались неоднократно. Много раз. Но аппетит в вашей стране огромный. Если бы не было этого прискорбного аппетита к белому порошку, не было бы и его производства.

– Верно, – подтвердил американец, – спрос всегда рождает предложение. Но обратное также верно. Предложение будет всегда создавать спрос. Рано или поздно. Если предложение иссякает, аппетит быстро сходит на нет.

– С «сухим законом» так не получилось.

Деверо был готов к такому возражению. «Сухой закон» явился самой настоящей катастрофой. Он только породил огромный криминальный мир, который после его отмены переключился на иные виды преступной деятельности. Общая стоимость ущерба на протяжении многих лет составила триллионы долларов.

– Мы считаем, святой отец, что в данном случае сравнение неправомерно. Существуют тысячи источников получить стакан вина или рюмку виски.

На самом деле он имел в виду: «Но кокаин поступает только отсюда». Надобности произносить это вслух не было.

– Сын мой, мы, Общество Иисуса, стараемся быть силой добра. Но на собственном ужасном опыте мы выяснили, что причастность к политике и государственным делам, как правило, приводит к катастрофическим последствиям.

Деверо всю свою жизнь провел в сфере шпионажа. Он уже давно пришел к выводу, что крупнейшим в мире ведомством по сбору разведывательной информации является Римско-католическая церковь. Через свою вездесущность она все видела, через таинство исповеди она все слышала. И заявление о том, что на протяжении полутора с лишним тысяч лет церковь никогда не поддерживала императоров и князей или, наоборот, не выступала против них, было просто смешным.

– Но если вы видите зло, вы с ним боретесь, – сказал Деверо.

Глава национального отделения был слишком хитер, чтобы попасться в такую ловушку.

– Сын мой, что вам нужно от нашего общества?

– В Колумбии вы повсюду, святой отец. Ваши молодые священники, общаясь с пастором, бывают во всех уголках страны, во всех городах и деревнях...

– И вы хотите, чтобы они стали осведомителями? Вашими? Стали работать на далекий Вашингтон? Они также соблюдают тайну исповеди. То, что говорится им в тесной кабинке исповедальни, никогда не может быть разглашено.

– А если корабль везет груз отравы, которая загубит много молодых жизней, оставив за собой след скорби, эта информация также является священной?

– Нам обоим известно, что тайна исповеди неприкосновенна.

– Но корабль не может исповедоваться, святой отец. Даю вам слово, ни один моряк не умрет. Я мыслю исключительно в рамках перехвата и конфискации.

Деверо признавал, что теперь ему также придется исповедоваться в грехе лжи. Но другому священнику, далеко отсюда. Не здесь. И не сейчас.

– То, о чем вы просите, крайне рискованно; люди, которые занимаются этим мерзким ремеслом, безжалостные и жестокие.

Вместо ответа американец достал из кармана один предмет. Это был маленький и очень компактный сотовый телефон.

– Святой отец, мы с вами родились и выросли задолго до того, как было изобретено вот это. Теперь такие штучки есть у всех молодых и у большинства тех, кто в возрасте. Для того чтобы отправить короткое послание, даже не нужно говорить...

– Я знаю, сын мой, что такое текстовые сообщения.

– В таком случае, вы поймете, что такое шифрование. Эти сообщения будут зашифрованы так, что никакой Картель никогда не сможет их расшифровать. Я прошу только название корабля с отравой на борту, который направляется ко мне на родину, чтобы уничтожить ее молодежь. Ради наживы. Ради денег.

Глава национального отделения позволил себе тонкую улыбку.

– Вы умеете убеждать, сын мой.

Кобре осталось разыграть еще одну, последнюю карту.

– В городе Картахена есть памятник Святому Петеру Клаверу из Общества Иисуса.

– Разумеется. Мы чтим его память.

– Сотни лет назад он сражался со злом рабства. И работорговцы предали его мучительной смерти. Святой отец, заклинаю вас. Торговля наркотиками – это такое же страшное зло, как и торговля рабами. И в том, и в другом случае товаром является человеческое горе.

И порабителем необязательно должен быть человек; это может быть наркотик. Работорговцы забирали тела молодых людей и издевались над ними. Наркотик отнимает душу.

Несколько минут отец Карлос смотрел из окна на площадь Симона Боливара, человека, освободившего народы.

– Я хочу помолиться, сын мой. Вы можете вернуться через два часа?

Деверо пообедал в открытом кафе на улице, отходящей от площади. Когда он вернулся, отец-наместник уже принял решение.

– Я не могу приказывать делать то, о чем вы просите. Но я могу объяснить своим священникам, чего вы хотите. Если тайна исповеди не будет нарушена, им предстоит принимать решения самим. Можете раздать свои маленькие машинки.

Из всех своих соратников по Картелю Альфредо Суаресу наиболее тесно приходилось работать с Хосе-Марией Ларго, занятым продвижением товара на рынок. Это был вопрос учета каждой партии груза, вплоть до последнего килограмма. Суарес отправлял их, одну за другой, но необходимо было знать, сколько товара дошло до покупателя и сколько было перехвачено правоохранительными органами.

К счастью, о каждой крупной перехваченной партии наркотиков ПОО тотчас же трубили через средства массовой информации. Они искали славы, благодарности, неизменно стремясь выбить у своих правительств более щедрый бюджет. Правила Ларго были простые и железные. Крупным покупателям разрешалось выплачивать пятьдесят процентов стоимости товара (а это была цена, установленная Картелем) при оформлении заказа. Баланс предстояло сводить после передачи груза, что являлось переходом его к новому хозяину. Мелкие игроки должны были делать стопроцентную предоплату.

Если банды и мафии сдирали с рядовых покупателей астрономические суммы, это было их дело. Если они действовали небрежно, если в их ряды проникали полицейские осведомители и они теряли товар, это также было их дело. Но конфискация груза после доставки не освобождала их от необходимости расплатиться по долгам.

И вот когда какая-нибудь банда, заплатив только половину стоимости, теряла товар в результате действий полиции и отказывалась выплачивать остальное, требовались меры силового воздействия. Дон Диего непреклонно требовал преподавать упрямым и несговорчивым страшные уроки. Картель просто панически боялся двух вещей: кражи активов и утечки информации. Ни то, ни другое не прощалось и не забывалось, какую бы цену ни приходилось платить за возмездие. Оно должно было свершиться. Таков был закон дона... и он работал.

Лишь общаясь со своим коллегой Ларго, Суарес мог узнавать с точностью до килограмма, какая часть отправленного груза была перехвачена до того, как дошла до покупателя.

Только это могло показать ему, какие способы транспортировки приводят к успеху с наибольшей вероятностью, а какие – с наименьшей.

Ближе к концу 2010 года Суарес подсчитал, что объем перехваченного груза остается примерно таким же, как и всегда: между десятью и пятнадцатью процентами. Учитывая семизначные цифры прибыли, это было вполне приемлемо. Но Суаресу хотелось довести процент потерь до однозначных цифр. Если кокаин перехватывали, пока он еще находился в собственности Картеля, все убытки нес именно Картель. И дону Диего это совсем не нравилось.

Предшественник Суареса десять лет назад, на рубеже веков все свои силы сосредоточил на подводных лодках. Идея состояла в том, чтобы строить небольшие суда с прочным корпусом, дизельным двигателем и командой из четырех человек, берущие на борт до десяти тонн груза, включая продовольствие и горючее, способные погружаться на перископную глубину.

Даже лучшие из этих лодок не погружались глубоко. Это им было не нужно. Над поверхностью воды торчал лишь плексигласовый купол с головой капитана, чтобы он мог управлять судном, и шнорхель, труба для подачи воздуха, необходимого для работы дизеля.

По замыслу, эти невидимые подводные лодки должны были медленно, но совершенно незаметно красться вдоль побережья Тихого океана от Колумбии до севера Мексики, доставляя крупные партии мексиканской мафии, которой затем уже предстояло переправлять кокаин через границу Соединенных Штатов. И это работало... какое-то время. Затем произошла катастрофа.

За разработкой и строительством этих подводных лодок стоял Энрико Поррокарреро, выдававший себя за безобидного ловца креветок из Буэнавентуры, небольшого городка на юге тихоокеанского побережья страны. Но полковник Дос-Сантос вышел на него.

То ли Поррокарреро заговорил «под нажимом», то ли при обыске у него были найдены какие-то заметки: главное то, что верфи, на которых строились подводные лодки, были обнаружены, и в дело вступил военно-морской флот. Когда капитан Герман Борреро закончил работу, от корпусов шестидесяти судов, находившихся в различных стадиях постройки, остались дымящиеся остовы. Убытки Картеля не поддавались исчислению.

Вторая ошибка предшественника Суареса заключалась в том, что значительную долю товара он отправлял в Соединенные Штаты и Европу одиночками-«ишаками», доставляющими крошечные партии по одному-два килограмма. Это означало, что для переправки всего пары тонн требовалась тысяча курьеров.

По мере того как рост исламского фундаментализма приводил к усилению мер безопасности в западном мире, багаж пассажиров все чаще и чаще просвечивали рентгеновскими лучами, выявляя в нем противозаконное содержимое. Это привело к тому, что «ишаки» перешли на перевозку кокаина в собственных желудках. Глупцы, готовые идти на риск, лишали свой пищевод чувствительности с помощью новокаина, после чего заглатывали до сотни пакетиков, содержащих по десять граммов каждый.

У некоторых пакетики рвались прямо в желудке, и они умирали с пеной у рта на полу аэропорта. На других доносили бдительные стюардессы, заподозрившие неладное, поскольку пассажир ничего не ел и не пил на протяжении всего продолжительного перелета. Таких отводили в сторону, заставляли выпить сироп из фиников и сажали на унитаз с сетчатым фильтром внизу. Американские и европейские тюрьмы были переполнены такими бедолагами. И все же за счет огромных объемов и вследствие одержимости западных стран правами человека до восьмидесяти процентов товара доставлялось по назначению. Но затем предшественника Суареса злой рок сразил во второй раз.

Впервые это было опробовано в английском Манчестере, и опыт оказался удачным. Устройство под названием «аппарат виртуального рентгеновского обследования» не просто показывал пассажира словно полностью обнаженным, но также выявлял имплантаты, введения в задний проход и содержимое кишечника. Устройство работало настолько бесшумно, что его можно было устанавливать под стойкой пограничника, осуществляющего паспортный контроль, и другой сотрудник правоохранительных органов в соседнем помещении изучал предъявителя паспорта от гортани до ягодиц. По мере того как все больше аэропортов и морских вокзалов оснащались новыми аппаратами, процент перехвата «ишаков» стремительно взлетал до небес.

В конце концов терпение дона Диего иссякло. Он распорядился заменить человека, отвечающего за это направление работы, навсегда. Его место занял Суарес.

Суарес был ярым сторонником крупных партий, и его цифры отчетливо показывали, какие пути транспортировки лучшие. Для Соединенных Штатов это были надводные суда и самолеты, доставлявшие груз через Карибское море в северные районы Мексики и на южное побережье США. Большую часть пути товар преодолевал на судах торгового флота,

после чего прямо в море перегружался на частные суда, каких полно в прибрежных водах, от рыбацких шхун и быстроходных скутеров до яхт и моторных лодок.

Для Европы Суарес предпочитал новые пути: не напрямую из Карибского моря в страны Западной и Северной Европы, так как в этом случае перехват достигал двадцати процентов, но прямо на восток к полукольцу стран-неудачниц, составляющих побережье Западной Африки. Там товар переходил из рук в руки, и Картель полностью получал за него деньги, а дальше уже заботой покупателей было разделить груз на мелкие партии и переправить его на север через пустыню до берегов Средиземного моря, а затем в Южную Европу. И больше всего Суарес любил бывшую португальскую колонию, маленькое нищее государство, раздираемое гражданской войной, превратившееся в самый настоящий рай для переправки наркотиков: Гвинею-Бисау.

Именно к этому заключению пришел Кэл Декстер, встретившись в Вене с канадским охотником за наркотиками Уолтером Кемпом из Комитета по борьбе с наркотиками и организованной преступностью ООН. Цифры Кемпа во многом совпадали с теми, что были у Тима Мэнхайра из Лиссабона.

Начав всего несколько лет назад с приема лишь двадцати процентов колумбийского кокаина, направляющегося в Европу, Западная Африка в настоящий момент принимала уже больше пятидесяти. Но ни Кемп, ни Декстер, беседуя за столиком в кафе в Пратер-парке, не могли знать, что недавно Альфредо Суарес решил довести эту долю до семидесяти процентов.

На западном побережье Африки семь государств попадают под определение «проблемные»: Сенегал, Гамбия, Гвинея-Бисау, Гвинея (бывшая французская колония со столицей в Конакри), Сьерра-Леоне, Либерия и Гана.

Переправившись через Атлантику в Западную Африку воздухом или по морю, кокаин мелкими партиями отправляется на север сотнями различных путей. Часть следует на рыбацких судах вдоль побережья Марокко, после чего продолжает путь по старой дороге марихуаны. Другие партии преодолевают Сахару по воздуху и попадают на северное побережье Африки, откуда их на небольших судах переправляют испанской мафии через Гибралтар или калабрийской «Ндрангете», с нетерпением ждущей в порту Джоя-Тауро.

Часть кокаина следует изнурительным сухопутным путем через всю Сахару, с юга на север. Здесь особый интерес представляет ливийская авиакомпания «Африкийя», которая связывает двенадцать основных городов Западной Африки с Триполи, откуда морем до Европы рукой подать.

– Когда дело доходит до переправки товара на север в Европу, – сказал Кемп, – все они заодно. Но что касается получения кокаина из#за Атлантики, тут Гвинея-Бисау нет равных.

– Пожалуй, мне следует отправиться туда и на месте посмотреть, что к чему, – задумчиво промолвил Декстер.

– Только будьте осторожны, – предостерег его канадец. – Подготовьте хорошую легенду. И неплохо будет захватить с собой «мускулы». Разумеется, лучшая маскировка – быть черным. Сможете это устроить?

– Нет, только не по эту сторону Атлантики.

Кемп черкнул на салфетке имя и номер телефона.

– Попробуйте найти этого человека в Лондоне. Он мой друг. Работает в АБОП. И желаю удачи. Она вам понадобится.

Кэл Декстер еще ничего не знал о британском агентстве по борьбе с организованной преступностью, но намеревался исправить это упущение. К вечеру он возвратился в гостиницу «Монкальм».

Вследствие бывших колониальных связей единственным удобным перевозчиком в Гвинею-Бисау являлась португальская авиакомпания ТАП. Позабывшись о визе и сделав

прививки от всех болезней, какие только смог придумать Институт тропической медицины, а также раздобыв рекомендательное письмо от международной Организации изучения жизни птиц, представляющее его как ведущего орнитолога, специализирующегося на перелетных птицах, зимующих в Западной Африке, «доктор» Кэлвин Декстер неделю спустя летел из Лиссабона ночным рейсом ТАП в Бисау.

Позади него сидели два капрала британского парашютно-десантного полка. Как выяснил Декстер, АБОП собрало под одним знаменем все правоохранительные органы, ведущие борьбу с организованной преступностью и терроризмом. Среди знакомых друга Уолтера Кемпа оказался один бывший десантник, прослуживший много лет в третьем батальоне парашютно-десантного полка. Это он через штаб полка в Колчестере разыскал Джерри и Билла. Оба с готовностью согласились помочь.

Теперь они были уже не Джерри и Билл. Они были Кваме и Кофи. Их паспорта однозначно свидетельствовали, что оба урожденные граждане Ганы, а другие бумаги клятвенно заверяли в том, что они также работают в отделении Организации изучения жизни птиц в Аккре. На самом деле это были такие же чистокровные англичане, как и Виндзорский замок, но родители обоих перебрались в Великобританию из Гренады. Если только никто не станет расспрашивать их на беглом тви, эвехе или ашанти, они с честью выдержат испытание. Правда, Джерри и Билл не владели ни креольским, ни португальским, но внешность у них была бесспорно африканская.

Лайнер компании ТАП совершил посадку в аэропорту Бисау уже после полуночи, в кромешной темноте. Большинство пассажиров следовали дальше в Сан-Томе, и лишь тоненький ручеек направился вместо транзитного зала к паспортному контролю. Впереди шагал Декстер.

Сержант-пограничник придиричиво исследовал все до одной страницы новенького канадского паспорта, изучил гвинейскую визу, сгреб бумажку в двадцать евро и кивнул, предлагая Декстеру пройти. Он указал на двух его спутников.

– Avec moi, – сказал Декстер и добавил: – Con migo ¹⁴.

Французский язык – не португальский, как и испанский, однако смысл был понятен. К тому же с лица Декстера не сходила лучезарная улыбка. А лучезарная улыбка, как правило, делает свое дело. К ним подошел офицер.

– Qu'est que vous faites en Guinée? ¹⁵ – спросил он.

Декстер изобразил бесконечную радость. Нырнув в сумку на плече, он достал ворох брошюр, посвященных цаплям, уткам-широконосам и другим видам водоплавающих птиц, семьсот тысяч которых зимуют в обширных болотах и влажных равнинах Гвинеи-Бисау. Глаза пограничника тотчас же остекленели от скуки. Он махнул рукой, показывая, что все могут проходить.

На площади перед зданием аэропорта не было ни одного такси. Но был грузовик с водителем, а бумажка в пятьдесят евро в этих краях способна на многое.

– Гостиница «Малайка»? – с надеждой спросил Декстер.

Водитель кивнул.

Когда грузовик приблизился к городу, Декстер обратил внимание, что тот практически полностью погружен во мрак. Виднелись лишь несколько пятен света. Комендантский час, введенный военными? Нет, просто отсутствовало электричество. Лишь здания, имеющие собственный генератор, не зависели от перебоев с подачей энергии. К счастью, гостиница «Малайка» принадлежала к их числу. Трое приезжих поселились в нее и поднялись к себе

¹⁴ Со мной (*фр. и исп.*).

¹⁵ Что вы делаете в Гвинее? (*фр.*)

в номера, чтобы поспать хотя бы остаток ночи. Перед самым рассветом кто-то застрелил президента.

Первым на имя обратил внимание Джереми Бишоп, компьютерный специалист проекта «Кобра». Подобно тому, как любители разгадывать кроссворды лазают по словарям, атласам и энциклопедиям в поиске информации, которую у них никогда не спросят, Бишоп, не имеющий личной жизни как таковой, все свободное время лазал по киберпространству. И не просто плавал по Интернету – это было бы слишком просто. Нет, у него была привычка незаметно и без труда проникать в чужие базы данных и смотреть, что в них.

Как-то раз поздно вечером в воскресенье, когда почти весь Вашингтон наслаждался началом праздников, Бишоп сидел за компьютером, проверяя списки прибывающих и убывающих пассажиров в аэропорту Боготы. И одна фамилия всплывала постоянно. Кто бы ни был этот человек, он регулярно летал из Боготы в Мадрид, раз в две недели.

Возвращался он не позднее чем на третий день, что оставляло ему меньше пятидесяти часов на пребывание в испанской столице. Недостаточно для отдыха, слишком много для остановки по пути в следующий пункт.

Бишоп прогнал эту фамилию через краткий список тех, кто был хоть каким-то боком причастен к торговле кокаином, представленный в штаб-квартиру «Кобры» колумбийской полицией и УБН. Ее там не оказалось.

Бишоп проник в базу данных авиакомпании «Иберия», которой неизменно пользовался таинственный путешественник. Фамилия сопровождалась примечанием «постоянный пассажир», что давало определенные привилегии вроде преимущественного предоставления билетов на загруженные рейсы. Этот человек всегда летал первым классом, а обратный вылет бронировался автоматически, если он только сам его не отменял.

Воспользовавшись своей высшей формой допуска, Бишоп связался с представителями УБН в Боготе и даже с командой британского АБОП, работающей там же. Ни те, не другие не знали этого человека, но ребята из УБН, проверив по местным справочникам, установили, что речь идет о престижном адвокате, который никогда не ведет уголовные дела в суде. Наткнувшись на стену, но все равно полный любопытства, Бишоп сообщил о своем открытии Деверо.

Кобра впитал информацию, но решил, что она не заслуживает приложения дальнейших усилий. По большому счету, подозрения были уж слишком косвенные. И все же дополнительные расспросы в Мадриде не помешают. Действуя через представителей УБН в Испании, Деверо попросил, чтобы в следующий приезд адвоката в Мадрид за ним установили наблюдение. Он, Кобра, будет признателен, если ему сообщат, где адвокат остановился, куда он ходил, что делал и с кем встречался. Закатив глаза, американцы в Мадриде согласились попросить об одолжении своих испанских коллег.

В Испании борьбой с наркотиками занимается Служба по борьбе с наркотиками и организованной преступностью, СБНОП. Запрос попал к следователю Франсиско Ортеге по прозвищу «Пако»¹⁶.

Подобно всем полицейским, Ортега был убежден в том, что его заставляют работать слишком много, при этом не обеспечивают необходимым снаряжением и держат на нищенском жалованье. И все же если янки хотели установить слежку за каким-то колумбийцем, он едва ли мог отказать. Если Великобритания являлась крупнейшим потребителем кокаина в Европе, Испания была главными воротами, через которые наркотик попадал на континент, следствием чего были многочисленные преступные группировки, действующие с крайней жестокостью. Американцы со своими огромными ресурсами иногда вылавливали саморо-

¹⁶ Расо – снайпер (*исп.*).

док чистого золота и щедро делились с СБНОП. Было принято решение, что, когда через десять дней колумбиец снова прибудет в Мадрид, за ним установят негласное наблюдение.

Ни Бишоп, ни Деверо, ни Ортега не могли знать, что Хулио Лус единственный из Братства не попадал в поле зрения колумбийской полиции. Полковник Дос-Сантос прекрасно знал всех остальных, но только не адвоката, занятого отмыванием денег.

К полудню следующего дня после прибытия Кэла Декстера и его команды в Бисау дело с убитым президентом прояснилось, и паника затихла. Как оказалось, это был не очередной государственный переворот.

В президента стрелял любовник молодой жены престарелого тирана. Утром оба скрылись глухих лесах в труднодоступном районе страны, чтобы больше никогда не появляться на людях. Клановая солидарность защитит обоих так, будто их никогда и не существовало.

Президент принадлежал к племени папель; его красавица-жена была из племени баланта, как и ее хахаль. Армия также преимущественно состояла из представителей племени баланта и не собиралась охотиться на одного из своих. К тому же президент не пользовался особой популярностью. Подумаешь, рано или поздно выберут нового. Реальная власть в стране принадлежала главнокомандующему и начальнику штаба.

Декстер взял напрокат белый джип в агентстве «Мавегру», владелец которого, радушный голландец, свел его с человеком, готовым сдать в аренду маленький катер с закрытой кабиной. Катер поставлялся с подвесным мотором и прицепом для перевозки. Определенно, он подходил для того, чтобы плавать по бухтам и протокам архипелага Бижагуш в поисках водоплавающих птиц.

И, наконец, Декстеру удалось снять уединенное бунгало, расположенное напротив стадиона, недавно воздвигнутого китайцами, которые втихую колонизировали Африку. Вместе со своими двумя помощниками Декстер перебрался из «Малайки» в новое жилище.

По пути от гостиницы до бунгало их на перекрестке подрезал джип «Рэнглер». Всего за два дня, проведенных в стране, Декстер усвоил, что дорожной полиции здесь нет и в помине, а светофоры почти все не работают.

Машины разминулись буквально в нескольких дюймах одна от другой, и пассажир «Рэнглера» осмотрел Декстера в упор, но из-за зеркальных солнцезащитных очков. Как и водитель, он не был ни африканцем, ни европейцем. Загорелый, с черными волосами, забранными в хвост, и толстой золотой цепью на шее. Колумбиец.

На крыше «Рэнглера» была установлена рама с четырьмя мощными прожекторами. Декстер сразу понял, в чем дело. Кокаин приходил в основном морем, но многие перевозчики не пользовались услугами убогого маленького порта Бисау, а перегружали тюки с товаром в узких протоках, окруженных мангровыми зарослями.

Какая-то часть наркотиков поступала по воздуху; иногда тюки сбрасывали прямо в море поджидающей рыбацкой шхуне, иногда самолет совершал посадку где-нибудь в глуши. Двадцатилетняя повстанческая война за независимость от Португалии оставила Гвинею-Бисау в наследство до пятидесяти грунтовых аэродромов, затерявшихся в густых лесах. Самолеты, доставившие кокаин, приземлялись там, разгружались, после чего летели в аэропорт Бисау, налегке и «чистые», чтобы заправиться горючим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.